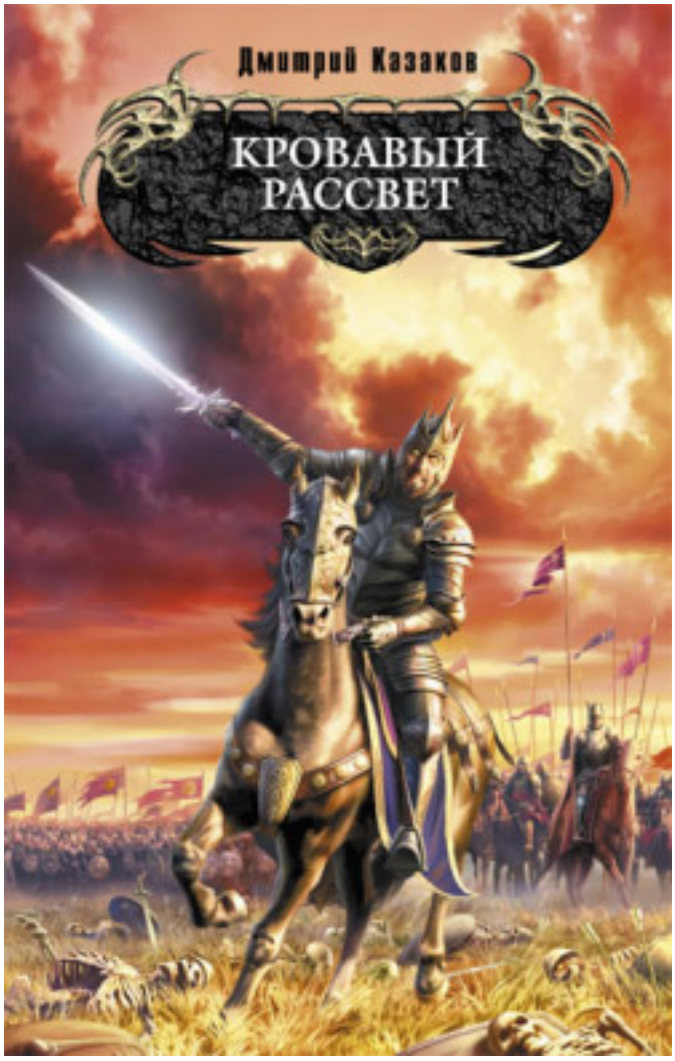

Дмитрий Казаков
КРОВАВЫЙ РАССВЕТ

Дмитрий Львович Казаков

Кровавый рассвет

Серия «Танец миров», книга 5

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=275202
Кровавый рассвет: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-39140-0

Аннотация

Мир Алиона охвачен беспощадной войной. Все сражаются против всех, даже боги не остались в стороне, как и их восставшие из небытия древние противники. Полем брани стали джунгли, море, степи и города, и даже на границе мира кипит безжалостная схватка.

Через охваченные безумием земли путешествует Олен Рендалл, наследник трона павшей империи. Его ведет жажда мести, а путь лежит туда, где находится самый могучий маг Алиона…

А в небесах расправляет крылья жуткий, кровавый рассвет…

Содержание

Часть первая 4
Глава 1 4
Глава 2 17
Глава 3 30
Глава 4 43
Глава 5 57
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Дмитрий Казаков
Кровавый рассвет

Часть первая
Время битв

Глава 1
Эльфийский корабль

Первый шаг на пути к победе – внезапность. Если сумеешь замутить замыслы свои и понять замыслы противника, то ты уже победил. Делай то, что он не ожидает, и заставь его делать то, что ожидаешь ты. Но для этого нужно изучить своего врага лучше, чем себя.
Генхиро Ха-о. Пути искусства войны

Саттия тар-Ролан подняла веки и с отвращением обнаружила, что она по-прежнему находится на Теносе.

Дымил костерок, сидевший около него чернобородый гном помешивал в котелке, напевая себе под нос неприличную песню о пьяном зайце. Потрескивали дрова, свистели в кронах птицы, лучи солнца пробивались сквозь листву.

Вставать не хотелось, так что Саттия прикрыла глаза и принялась вспоминать прошлое. Как десять месяцев назад она, уроженка Ланийской марки, альтаро на четверть, отправилась в путешествие к храмовому городу младших эльфов. Как на границе Вечного леса встретила перепуганного юношу с мечом, чье лезвие выглядело так, словно его вырезали изо льда.

Непонятно зачем вмешалась в схватку юноши с дозорными и угодила в странную историю…

Сначала они пытались разобраться в происходящем, понять, почему за Оленом Рендаллом гоняются воины Харугота Безарионского и откуда у него, простого селянина, умение обращаться с мечом. В дороге познакомились с Бенешем, учеником мага, чьего наставника погубил Харугот…

Дорога привела их в Безарион, где открылась правда. Олен оказался последним отпрыском императорского рода, и узурпатор Харугот стремился уничтожить его, чтобы уверенно чувствовать себя на троне.

Но даже ледяной клинок не смог причинить вред новому хозяину Золотой империи, и Олен вынужден был отступить. Они втроем отправились за Сердцем Пламени, могущественным артефактом, принесенным в Алион Безарием Основателем, когда люди только появились в этом мире.

Их спутником стал странствующий гном по имени Гундихар фа-Горин, а путь привел далеко на юг, сначала – в Терсалим, потом и вовсе в Великую степь, населенную орочьими племенами. Но даже в эти земли добрались посланцы Харугота, многие годы посвятившего изучению запретного чародейства…

Пришлось отправляться туда, где лежал источник его силы – на остров Тенос, к древним храмам Предвечной Тьмы. Их удалось сокрушить, но в тот день пропал Олен, а трое

его спутников оказались единственными жителями Теноса. Все, кто населял остров ранее, бежали, когда храмы еще только проснулись.

– Хватит валяться, ха-ха, – с ехидством проговорил Гундихар. – Я вижу, что ты не спишь. Вставай!

– Больно уж неохота, – проговорила Саттия, опять поднимая веки. – Ради чего? Чтобы опять все то же самое?

Одно утро на острове было невозможно отличить от другого. Девушка открывала глаза под тихий рокот набегавших на берег волн и обнаруживала, что солнце слегка высунулось из-за горизонта. И все чаще и чаще ей хотелось вернуться обратно в мягкую тьму сновидений, туда, где она могла повидать Олена, встретиться с родителями и даже возвратиться туда, где родилась и выросла.

На Теносе Саттия в компании Бенеша и Гундихара провела более двух месяцев, и пустынный остров надоел ей настолько, что все вокруг стало вызывать раздражение. Навес, построенный гномом из найденных в брошенном городе досок, джунгли, жарища, зудящие насекомые, шумящее море…

И сами товарищи по несчастью тоже нервировали девушку. Хотя она старалась сдерживаться, раздражение иногда вырывалось наружу. Она срывалась, а потом корила себя за несдержанность, говорила сама себе, что деться им друг от друга некуда и что остальным не легче, чем ей.

Помогало это слабо.

– Что «то же самое»? – вытаращил глаза гном. – Пиво вот всякий раз тоже особо не меняется, а пьешь с удовольствием. И в потасовке знаешь, что выйдет, а все равно лезешь, клянусь коленными чашечками прадеда. Так что хватит выдумывать, вставай. Будем завтракать, а потом за дела…

Гундихар фа-Горин, блудный уроженец Льдистых гор, оставался точно таким же, как и в Терсалиме, и в орочьей степи, и во время странствия через Мероэ. Он рассказывал байки, более бородатые, чем он сам, смеялся над ними, готовил еду, ловил рыбу, мастерил разные полезные в хозяйстве вещи и совершенно не собирался унывать.

Потому что не умел этого делать.

– Сложно с тобой спорить, – буркнула Саттия и потянулась к сумочке, в которой хранила гребень и зеркальце. – Что с Бенешем?

– Он вроде бы в порядке. – Гундихар ухмыльнулся, показав крупные и крепкие, почти лошадиные зубы. – Храпел, словно пьяный матрос, а значит – просто спит. Как начнем будить – узнаем точно.

С Бенешем, учеником мага из Гюнхена, в последнее время происходили необычные вещи.

Началось все со странных снов, а потом они постепенно стали воплощаться в явь. Примерно месяц тому Саттия увидела, как кожа Бенеша позеленела, сделавшись цвета молодой листвы. Потом все вернулось к норме, но сам ученик мага смог лишь вспомнить, что на некоторое время потерял сознание.

Десять дней назад девушка и гном утром не смогли разбудить спутника. Его тело сделалось жестким и холодным, словно древесина, а дыхание почти исчезло. Очнулся Бенеш спустя сутки, все у него стало как обычно, но внятно объяснить он ничего не сумел.

Все вновь ограничилось смутными видениями о белом тумане и громадных дубах.

– Ну-ну… – Саттия вздохнула и принялась расчесывать волосы, глядя на море, над которым плыла легкая дымка.

Обитателей острова ждал еще один жаркий и хлопотливый день.

Удивительно, сколько всего нужно делать для того, чтобы просто выжить, и это в столь благословенном месте, как Тенос. Ловить рыбу и черепах, чинить снасти и одежду, собирать

хворост, фрукты и птичьи яйца, следить за тем, чтобы не протекал навес, делать новые подстилки из ветвей, а то в старых быстро заводится всякая пакость вроде червей или клещей.

Счастье еще, что Харид, заброшенную столицу острова, они закончили обыскивать еще месяц назад. А то приходилось через день таскаться туда, лазить по домам, тревожить призраки тех, кто погиб во время прорыва Тьмы.

– Бенеш, вставай! – рявкнул гном, на мгновение отвлекшись от помешивания. – Завтрак готов!

В котелке бурлило варево из водорослей и рыбы, обычная похлебка, какой чаще всего приходилось утолять голод.

Два с лишним месяца назад Саттия стала Хранительницей Тьмы, получив из памяти предшественника все знания о ней, ведомые роданам Алиона. И то ли случайно, то ли осознанно старый Хранитель передал девушке много более приземленные сведения – о том, как выжить на Теносе.

Она знала, какие фрукты съедобны, а какие ядовиты, какие виды водорослей годятся в пищу, а какие нет.

– Да… я… конечно, – сонным голосом забормотал ученик мага, даже и не думая открывать глаза.

Судя по всему, с ним все было в порядке.

– Вставай! – настойчиво повторил Гундихар. – А не то приволоку воды из моря и вылью на тебя! Подъем!

Бенеш был умен, многое умел, а знал больше, чем иной старый колдун, но при этом имел обыкновение просыпаться с большим трудом.

– Встаю, да, – сказал он и открыл темные, немного растерянные глаза. Взлохматил рыжие непокорные волосы. – А что, уже утро, да?

– Еще какое, корни и листья, – мрачно подтвердила Саттия. – Поднимайся, а то без еды останешься.

Гундихар усмехнулся и снял котелок с огня.

Бенеш поднялся и, звучно зевая, отправился в сторону ближайшего ручья – умыться. Девушка проводила его взглядом и тут обнаружила, что перед ее глазами мечутся черные точки.

Тело стало тяжелым и холодным, будто свинцовая статуя, мышцы помертвели. Шепот моря, шелест листвы, треск костра, бурчание гнома – звуки слились в мерный гул. Мир выцвел, сделался черно-серым, безжизненным, и в сердце поднялась волна яростного отвращения.

Захотелось уничтожить все это: деревья, небо, сам Алион, чтобы никогда его не видеть…

– Что с тобой? – Голос Гундихара прозвучал как далекий шепот, хотя Саттия обнаружила, что гном подошел вплотную и что на лице его отражается тревога. – Ты белая, как сугроб.

– Опять… оно… сейчас пройдет… – прошептала девушка, изо всех сил борясь с желанием выплеснуть отвращение наружу.

Сделавшись Хранительницей, она пустила Тьму в тело, и та, освоившись в новом обиталище, стала пытаться взять его под контроль. Начались эти попытки полтора месяца назад и повторялись примерно раз в десять дней.

Саттия называла их «приливами».

– Может, тебя по кумполу тюкнуть? – предложил добрый гном и продемонстрировал боевой цеп, какой в горах называют «годморгон». – Гундихар фа-Горин может сделать это запросто.

Саттия не ответила и отвела взгляд. Она знала, что ей не поможет ничего: ни магия, ни все лечебное искусство Алиона. Что нужно переждать, и все пройдет.

Через некоторое время тело начало оттаивать, трава из темно-серой превратилась в зеленую, к небу вернулся голубой цвет. Девушка глубоко задышала, ощущая запах листвы и морской соли, а не гнили. Вернулись звуки, она различила шаги Бенеша и поняла, что он торопится.

– Эй, вы… – задыхаясь, пропыхтел ученик мага, выскакивая к стоянке. – Вы что, ну… Там судно!

У Саттии не нашлось сил удивляться, а вот Гундихар выпучил синие глазищи и рявкнул:

– Где?

– Вон! – Бенеш указал на юго-восток.

Бесшумно перемещаясь над белой дымкой, по морю шел корабль. Торчали мачты с реями, слабо трепыхались белоснежные паруса с гербом – алым львом, стоящим на задних лапах. Голову его венчала корона с зубцами, когти и кончик хвоста блестели золотом.

– Клянусь брюхом Аркуда, это не галера, – нахмурившись, заявил Гундихар, – и не гоблины.

– Герб герцогства тар-Халид, – слабым голосом проговорила Саттия. – Большое боевое судно.

– Сельтаро? Что им тут надо? – удивился Бенеш и нервно захрустел пальцами.

Брови гнома сошлись к переносице:

– Это мы скоро узнаем. Не удивлюсь, если они явились поглядеть на те древние храмы, из-за которых и вышла заваруха. Но для начала надо поесть. Пока остроухие пристанут, пока разберутся, что к чему.

– Как можно есть! – воскликнул Бенеш. – Они же… это… возможно, нас спасут отсюда.

– Так спасут сытыми. И не пропадать же еде! – Гном пожал плечами, уселся на место и вытащил ложку.

Но Бенеш все равно от завтрака отказался. Он стоял неподвижно и таращился на корабль, который неспешно маневрировал, подходя к уцелевшим пристаням Харида. Саттия ела, но без удовольствия, то и дело поглядывая на огромное, тяжеловесно-изящное судно сородичей. Думала, как на этот раз встретят ее, квартера, чистокровные эльфы. Как равную себе или как человека, что достоин лишь презрения?

Котелок опустел ровно в тот момент, когда судно бросило якорь. Легли на борт сходни, и по ним на берег начали спускаться воины.

– Ладно, котелок потом вымоем, – проговорил сыто отдувавшийся Гундихар. – Так, и куда они отправятся? Готов поспорить, что…

– К нам, – резким, вибрирующим голосом перебил его Бенеш. – Они пойдут к нам.

Это было очень непохоже на застенчивого юношу, и Саттия посмотрела на него с изумлением.

– Почему ты так думаешь? – спросила она.

Бенеш не ответил. Лицо его было бледно-зеленым, глаза горели, а руки нервно подрагивали. Казалось, что он изо всех сил сдерживается, чтобы не кинуться вперед, к кораблю.

На землю тем временем сошло около дюжины эльфов. Они посовещались, встав в кружок, а затем цепочкой двинулись прочь от воды. Саттия, вглядываясь, прищурила глаза, и тут по ним ударила зеленая вспышка. Показалось – тяжелая ладонь хлестнула по лицу.

Девушка пошатнулась, отвела взгляд и обнаружила, что все по-прежнему – шумит море, Бенеш и Гундихар стоят рядом, корабль покачивается на волнах, а сельтаро исчезли в развалинах Харида.

– Что-то не так с ними, – проговорила Саттия, потирая щеку, горевшую, точно после удара. – Или они привели с собой мага?

Бенеш, что удивительно, промолчал, хотя ранее любое упоминание о чародействе вызывало у него интерес.

– Надо готовиться к худшему, – буркнул Гундихар и взмахнул «годморгоном» так, что верхняя секция с жужжанием завращалась. – Не доверяю я этим остроухим, ха-ха! Ты достань лук.

– Он не понадобится, – повернулся к спутникам Бенеш. – Они… ну, не причинят нам вреда, да.

– Откуда ты знаешь?

– Я… чувствую.

По лицу молодого мага текли крупные капли пота, и вообще выглядел он, словно тяжелобольной. Кожа его начала желтеть, кое-где появились зеленоватые пятна, а в глазах пылало возбуждение.

– Чувствует он! Ха! – Гном расхохотался зло и презрительно. – Этого маловато, клянусь платком моей старшей прабабки. Кончай хандрить и готовь свои колдовские штучки. Я чую – драться придется.

Саттия вытащила из особого мешочка тетиву, натянула на лук, более года назад полученный в подарок от родителей. Проверила, как выходит из ножен меч – недлинный, как раз ей по руке. Заглянула в колчан и пожалела, что стрел осталось настолько мало – всего с дюжину.

Для серьезной схватки не хватит.

Облачилась в куртку, обшитую черно-белыми чешуйками размером с ладонь, что способны защитить не только от стрелы, но и от скользящего удара мечом. Вспомнила, как покупала ее в Тафосе.

– Готовы? – спросил Гундихар, обрядившийся в хорошую, добротную кольчугу, которую он отыскал на месте битвы с поклонниками Тринадцатого.

Помимо цепа, гном был вооружен тесаком. Он, бахвалясь, порой рассказывал, что это фамильное оружие, но Саттия всегда думала, что этот клинок изготовили никак не кузнецы подгорного племени.

– Да, – ответила она. – Двинемся к наблюдательному пункту?

За время жизни на Теносе они выбрали несколько высоких деревьев, с которых было далеко видно. На каждом устроили платформу из веток, привязали веревки, чтобы даже Гундихар залез наверх без проблем.

Одно из таких деревьев находилось на окраине Харида.

– Именно, – кивнул гном. – Засядем там и посмотрим, что задумали наши гости. А потом решим, стоит к ним выхо…

Саттия краем уха уловила шорох в зарослях. Резко повернулась и вскинула лук, накладывая на него стрелу. Увидела мелькнувший среди зелени высокий силуэт, блеск солнца на золотистых волосах. Гундихар зарычал, стремительно присел и поднял «годморгон».

– Стойте! – закричал Бенеш, бросаясь вперед. – Они не причинят нам вреда!

Саттия с неимоверным трудом удержалась от выстрела. Заныли мышцы плеча, в запястье хрустнуло.

– С чего ты взял? – прошипела она. – Уж я хорошо знаю, на что способны мои сородичи.

Бенеш встал между спутниками и зарослями, раскинув руки, словно закрывая невидимых гостей. Вновь раздался шорох, и из зарослей донесся мелодичный, красивый голос, каким только исполнять любовные баллады:

– Он говорит правду! Мы пришли с миром!

И добавил, перейдя на эльфийское наречие:

– Баха лас армас, эрмана.[1]

– С миром?! – прорычал гном, ворочая налитыми кровью глазами из стороны в сторону. – А мне вот интересно, как вы так быстро нас нашли?

– Это просто, – ответил тот же голос. – Как тот, кто имеет глаза, может не отыскать огонь в ночи?

– Раз вы такие мирные, то выходите на открытое место! – резко сказала Саттия. – По одному, и чтобы оружие было в ножнах, а руки на виду!

Зашелестели ветки, и из них выступил сельтаро в золоченой кольчуге: высокий, с мечом у пояса и луком за спиной. У него было белое, не тронутое загаром лицо, голубые глаза и собранные в пучок на затылке светлые волосы. За первым показался второй, затем третий, четвертый…

Пятый оказался из племени младших эльфов, с которыми саму Саттию связывало родство. Увидев черные кудри и зеленые глаза, девушка ощутила, что удивление ее растет: альтаро меж сельтаро? И это при том, что две ветви некогда единого народа почти не поддерживали связей, а старшие эльфы частенько именовали темноволосых родичей «полукровками»…

И тут девушку вновь словно ударили по лицу и одновременно – в живот. Дыхание перехватило от запаха древесины, перед глазами поплыли зеленые и бурые круги, ноги задрожали.

Лишь невероятным напряжением сил Саттия не упала.

– Кто это… кто он такой? – просипела она, шатаясь, словно пьяная. Лук в ее руках ходил ходуном.

– Посланец Великого Древа, – с благоговением проговорил самый высокий из сельтаро, чьи волосы были заплетены в косички, а нос выглядел так, словно его ломали не менее двух раз.

– Что бы это значило? – пробормотал Гундихар, и не подумавший опустить «годморгон».

Бенеш стоял неподвижно, не отрывая взгляда от младшего эльфа, и губы его тряслись.

– У нашего народа есть одно предание, – неохотно сказала Саттия, опустив лук. – Оно ужасно старое, и мало кто в него верит. Якобы существуют Слуги Великого Древа, на ветвях которого, словно яблоки, висят миры, и эти Слуги время от время пускаются в путь, чтобы проверить, как живут простые смертные… Они обладают особой силой, неподвластной даже богам.

Альтаро сделал шаг к молодому магу. Они вскинули руки одновременно, словно один был отражением другого, и соприкоснулись ладонями. Две фигуры окутало сине-зеленое пламя, и оба рухнули наземь с тяжелым стуком, какой издает срубленное дерево.

У девушки мелькнула странная мысль, что эти двое, эльф и человек, похожи. Несмотря на то что один рыж и конопат, а другой – черноволос и белокож. Несмотря на то что молодой маг одет в синий, несколько потрепанный ремиз, тогда как альтаро облачен в изящный кафтан.

– Эй, что он с ним сделал?! – рявкнул Гундихар. – Клянусь всем пивом Алиона, если с нашим другом что-то случится, я вам всем ноги поотрубаю!

– Он дышит, – сказала Саттия, наклоняясь к Бенешу и осторожно трогая его запястье, – но холодный и какой-то… деревянный… как тогда. И этот, второй, тоже, хотя у него дыхания не слышно…

[1] Опусти оружие, сестра (*эльф.*).

– Не беспокойтесь, – заговорил тот же сельтаро. – Посланец Великого Древа никому не причиняет вреда. Я – Вилоэн тар-Готиан, сотник гвардии герцога тар-Халид, и даю свое слово в этом.

– Слово эльфа весит изрядно, – буркнул гном, – но что оно значит там, где речь идет о волшебстве? Ты можешь быть уверен, что этот ваш дубовый друг не замыслил ничего дурного? И вообще, что за дело твоему герцогу до острова Тенос?

Вопреки ожиданиям Саттии, Вилоэн тар-Готиан, в слове которого осмелились усомниться, не разгневался.

– Я здесь не по повелению своего господина, – проговорил он спокойно. – А по просьбе посланца Великого Древа. Он явился в Ла-Себилу с севера, неведомо как пройдя через Большой Огненный хребет и джунгли, и доказал свою силу в присутствии наших магов.

– Ха-ха, да на что они вообще годятся, ваши чародеи? – фыркнул Гундихар.

Сотник гвардии нахмурился, и в его мелодичном голосе появились металлические нотки:

– Не стоит подвергать сомнению чужую силу, почтенный гном, особенно такую силу, которая не по уму обычным роданам. Наши колдуны славны ученостью на все Мероэ, и отвести им глаза непросто. Но посланец вырастил королевский кедр из семени, что невозможно сделать с помощью чародейства, вскрыл заложенный еще нагхами и защищенный их заклинаниями клад, и еще…

– Удивительно, корни и листья, – прервала его Саттия. – Это и в самом деле необычно. И он заставил вас плыть сюда?

– Да. – Вилоэн тар-Готиан склонил голову. Брякнул колокольчик, вплетенный в одну из косичек. – Посланец Великого Древа показал нам путь, каким мы должны следовать, и мы не смогли отказаться…

– И отправили целый корабль? – Гундихар дернул себя за бороду и принялся наматывать на пальцы ее пряди. – Во время войны? Когда нагхи идут по землям Мероэ и угрожают сельтаро истреблением?

– Да, именно так.

Гном помотал головой:

– Невероятно, упади мне на голову все богатства Аркуда! Гундихар фа-Горин никогда не думал, что увидит такое! Но зачем? Для чего? Это дубовый тип объяснил?

Лицо сотника омрачилось:

– Речи посланца Великого Древа звучали смутно. Но мы поняли, что тут, на острове, находится нечто для него очень важное и что он должен добраться сюда… Однако мы не думали, что этим важным окажется… человек…

Саттия заколебалась. Сельтаро глядели без дружелюбия, и хотя мечи их оставались в ножнах, было ясно, что отдай Вилоэн тар-Готиан приказ атаковать, схватка закончится в считаные мгновения.

– И он нашел нас, – медленно проговорила девушка. – Точнее – Бенеша. А сам оказался без сознания. И что ты хочешь делать дальше?

– Оставаться тут смысла нет. Поэтому мы заберем их, – сотник указал на лежавших, – вас, вернемся на корабль и отплывем обратно в Ла-Себилу. Или вы хотите остаться тут?

– Нет! – завопил гном. – Мы Бенеша не оставим!

– Отправимся с вами, – кивнула Саттия.

Им дали некоторое время на сборы. Затем последовало несколько отрывистых команд на эльфийском языке. Бенеша и посланца Великого Древа аккуратно подняли и понесли, остальные зашагали следом.

Пока шли, Вилоэн тар-Готиан делился последними новостями о войне в Мероэ.

– Путь от берегов Жаркого океана долог и труден, поэтому до нас доходят только слухи, – говорил он, – но, судя по ним, дела обстоят не лучшим образом. Крепости гномов, что в Серых горах, держатся, и это мешает нагхам. Владения герцогов тар-Пеллан и тар-Рилг разорены, враг появился на юге, у пределов Гормандии, так что людям пришлось тоже вступить в войну…

– И не пойму я, чем берут эти слизепузые? – Гундихар пожал широкими плечами. – Вот, помню, дрались мы с ними. Ну, ящеры здоровые… Ну, магия… Ну, много их… Но ведь ничего особенного, укуси меня скальная крыса!

– Вы сражались с ними? Когда? – удивился сотник.

– В битве у Ла-Малады. Три месяца назад, – не очень охотно ответила Саттия, про себя кляня гнома за язык, по длине сравнимый с бородой.

Сейчас последуют вопросы о том, как они оказались в войске эльфов и – самое главное – как они его покинули.

Но Гундихар то ли заметил красноречиво сердитый взгляд девушки, то ли сам догадался о собственной оплошности. По крайней мере, он попытался увести разговор от опасной темы:

– А что слышно про дела на севере? И в Архипелаге?

– Э… ну… – Вилоэн тар-Готиан мгновение помялся. – С севера мы не получаем известий, но Харугот из Лексгольма, судя по всему, не оставил попыток захватить Терсалим. Если это ему удастся, то в руках консула окажутся земли сразу двух империй и он станет одним из могущественнейших правителей Алиона… Болтают что-то о нашествии йотунов, о новых тиренах на склонах Опорных гор, но в это я не верю. А в Архипелаге тоже война, кто-то из гоблинских князей решил объединить все острова под своей властью и почти добился успеха…

– Азевр рычит, пускает слюни, а колокол Адерга звонит, не переставая, – сказал Гундихар. – С одной стороны, ничего хорошего, а с другой – только в такие времена обычный родан может добиться многого…

Сотник покосился на него, но ничего не сказал.

Они миновали пустой, наполовину разрушенный город и вышли к причалам. Эльфийский корабль открылся во всей красе, со смоленными бортами, покрытыми резьбой, и фигурой Сифорны на носу – непостоянной и неистовой хозяйки морей. Богиня улыбалась, руки ее были вскинуты, а изящный торс покрывала рыбья чешуя.

– Прошу вас на борт «Доблести предков», – сказал Вилоэн тар-Готиан, делая изящный жест.

Широкие сходни заскрипели под ногами эльфов, несших Бенеша и посланца Великого Древа. Саттия двинулась следом, глянула вниз, где у борта плескала вода. Гундихар закряхтел, должно быть, вспоминая предыдущее плавание, закончившееся около Теноса.

Они оказались на палубе, просторной, словно городская площадь.

Башнями поднимались носовая и кормовая надстройки, на каждую вело по две лестницы. Четыре мачты несли на себе такое множество парусов, что ткани хватило бы для того, чтобы сшить штаны для бога. Тянулись многочисленные веревки и канаты, блестели смоленые доски.

И всюду, где только можно, на фальшбортах, на перилах, на люках, виднелась искусная резьба. Сельтаро украшали свои корабли даже в ущерб мореходным качествам, и отучить их от этой привычки не могло ничто.

– Ларгуэн лас амаррас! Партимос![2] – крикнул сотник, ступивший на борт последним, и всё на судне пришло в движение.

---

[2] Отдать швартовы! Отходим! (*эльф.*)

Нет, эльфы не бегали и не орали, как матросы с того же «Дракона», все делалось молча и с достоинством. Но не успела Саттия и глазом моргнуть, как сходни оказались убраны, загрохотала якорная цепь. «Доблесть предков» содрогнулась всем корпусом и медленно двинулась прочь от берега.

С шелестом упали белые паруса со скалящимся алым львом.

– Проводить вас в каюту для гостей или желаете посмотреть на отплытие? – спросил тар-Готиан.

– Посмотрим, – сказала Саттия. – Кстати, мы до сих пор не назвали наших имен…

Этого момента она ждала и боялась. Как отреагируют сельтаро на то, что она не просто из младших эльфов, а еще из Ланийской марки, чьи обитатели веками жили меж людей и не могли сохранить кровь в чистоте?

– Рад буду познакомиться. – Сотник улыбнулся столь торжественно, словно перед ним была по меньшей мере герцогиня.

Услышав имена девушки и гнома, он лишь кивнул и проговорил:

– Будьте моими гостями, Саттия тар-Ролан и Гундихар фа-Горин. На время я вас оставлю, но позже мы обязательно побеседуем…

Он отошел. Гном хмыкнул в бороду, а Саттия облегченно вздохнула и откинула со лба выбившуюся из прически прядь. Пока все прошло нормально, но кто ведает, что будет дальше?

Они стояли у борта и смотрели, как медленно и величественно, словно танцующий кит, разворачивается эльфийский корабль. Скрипел такелаж, покачивались мачты, бурлила вода под килем.

А потом «Доблесть предков» вышла из бухты Харида и поймала ветер. Паруса надулись, и Тенос начал удаляться. Сначала он превратился в зеленую кляксу, затем в пятнышко на горизонте. И только когда исчез совсем, Саттия наконец поверила, что вырвалась с этого проклятого острова…

Судно шло на юго-восток, и шумели у бортов волны.

Харугот из Лексгольма натянул поводья, останавливая коня.

– Клянусь Великой Бездной, все это уже было, – сказал он. – Осталось лишь повторить то, что мы совершили в прошлом году.

Свита, вслед за консулом Золотого государства поднявшаяся на круглую вершину холма, промолчала. Никто не осмелился сказать, что войска устали, что их несколько меньше, чем было тогда, и что во время битвы при Обманной речке у Серебряной империи не имелось союзников в виде орков Великой степи.

Все это Харугот знал сам и все равно собирался победить снова.

В этот раз войска сошлись чуть севернее, чем в прошлый, на древнем тракте, соединяющем столицы двух империй.

– Ари Форн, как ты оценишь их позицию? – спросил консул.

– Они хорошо укрепились, – осторожно проговорил седой командир большого полка, едва не казненный за неудачу при осаде Терсалима. – Я бы не рискнул атаковать их до тех пор, пока не подойдут тердумейцы.

Харугот прибыл к войскам семь дней назад. Приказал посадить на кол нескольких таристеров, отправил орков ловить убежавших в степь дезертиров. Увеличил пайки и дал всем знать, что скоро подойдет помощь. И толпа, чьи мысли были лишь о том, как выжить и побыстрее вернуться домой, вновь стала армией.

Правда, тердумейцы, известные любители медлить и путаться в трех соснах, пока опаздывали, но должны были подойти через несколько дней.

– Верно говоришь, у них хорошая позиция, – сказал консул. – Но ждать мы не можем, мы должны атаковать и победить сейчас.

Войско императора заняло пространство между двумя холмами, оседлав дорогу. И, как положено по всем правилам воинского искусства, выстроило лагерь со рвом, вышками для наблюдателей и частоколом.

Над лагерем поднимались знамена легионов, черные стяги с Синей Луной, вились флаги орочьих родов.

– Наверняка там прячутся баллисты и прочие военные машины, – продолжал Харугот рассуждать вслух, – но у нас есть чем им ответить. Ведь так, брат?

– Конечно, брат, – с улыбкой ответил Шахияр, шах Западной степи. – Наши родичи с востока – не воины, а имперцев мы трепали, словно орел – суслика, и будем трепать снова.

Вождь примерно половины орков Алиона до сих пор полагал, что действует по собственной воле. Он так и не догадался, что в день капитуляции Лузиании стал рабом правителя Безариона. Никто из приближенных к шаху магов не смог разглядеть, что на него наложено заклинание.

– Смелые слова, – сказал консул. – Сегодня нам понадобятся еще смелые дела. А теперь… вы все знаете, что делать.

Он успел хорошо изучить нрав нынешнего императора Серебряной империи и понимал, что тот не будет атаковать, не имея преимущества в силах. Поэтому Харугот не сомневался, что у него есть время как следует подготовиться к битве.

– Да, мессен, – дружно ответили командиры полков, развернули лошадей и двинулись каждый в свою сторону.

Тут были почти все, кого смог собрать консул. На севере, около Ферлина, осталось еще пять тысяч ополченцев и сотня таристеров во главе с ари Марлидом, чья задача следить за эльфами, гномами и йотунами. Те пока заняты междоусобицей, но кто знает, как быстро и чем она закончится?

Зазвучали команды, войско Золотого государства принялось строиться в колонны. Место битвы таково, что негде развернуться во всю ширь, обойти позицию императора очень сложно – мешают овраги и обрывистые склоны холмов. Поэтому оставалось только атаковать в лоб.

Самоубийство… если не учесть одного: в первых рядах пойдут ученики Харугота, и сегодня они пустят в ход всю свою силу без остатка. Точнее, он пустит в ход всю силу, заключенную в их телах. Многие погибнут, но это не так важно.

Куда важнее использовать единственное преимущество, которое у них есть – в магической силе.

– Видит Великая Бездна, пора, – сказал консул, когда ему доложили, что войско готово. – Вперед.

Он подал знак, стоявший рядом дюжий знаменосец помахал огромным флагом с изображением половинки солнечного диска на черном фоне. Загудели трубы, топот копыт раскатился меж холмами. В первых рядах двинулись таристеры на закованных в кольчуги лошадях, за ними – орки и лучники.

Харугот спешился, отошел в сторону от коня. Прикрыл глаза, заставил себя не слышать криков, ржания и звона оружия.

Он увидел… Три дюжины блеклых лиловых огоньков плывут сквозь тьму, и каждый трепещет, словно крохотное сердце. На самом деле это и есть сердца тех, кто считает себя учениками Харугота из Лексгольма, ну а на самом деле является только инструментом в его руках.

Раскатистый грохот донесся со стороны императорского лагеря… похоже, в дело пошли онагры, огромные метательные машины. Несколько огоньков затрепетали чаще, показывая, что их хозяева пустили в ход чары…

Опасность грозит правой колонне, которую ведет Навил ари Рогхарн.

Харугот почувствовал, как камень весом в тысячу унций рассыпался в песок прямо в полете…

Выстрелил еще один онагр, потом третий, и полетели стрелы, а также страшное оружие легионеров – метательные копья. Ученики, шедшие в средней колонне ари Форна, попробовали выставить колдовской щит из Тьмы, и даже продержали его некоторое время. А потом не выдержали напряжения, и один, судя по померкнувшему огоньку, потерял сознание.

«Пора, – решил консул, – сейчас я открою путь».

Он сосредоточился, вызывая образ Храма, что теперь находится внутри смертного тела. Ощутил, как кожа становится твердой, подобно каменным плитам, голова покрывается черепицей, руки обращаются столбами, а откуда-то из желудка поднимается струйка мертвящего холода…

Чернокрылые из сотни охраны Харугота увидели, что вокруг того закрутился, густея, туманный вихрь. Стоявшие ближе рассмотрели, что в нем мечутся крохотные искорки, похожие на алмазную крошку.

Кожа консула стала черной, будто ее намазали дегтем, темные с проседью волосы вздыбились.

– Хорошо… – прошептал он, с усилием поднимая руки и бросая вперед что-то незримое.

Все ученики Харугота, бывшие в этот момент в первых рядах и творившие свои чары, ощутили, что тела перестали им подчиняться. Кто успел испугаться, кто удивиться, но все потеряли сознание. Каждый на миг прикрыл глаза, а когда открыл, то через почерневшую радужку на мир смотрел правитель Безариона.

Он видел тридцать шесть картинок сразу.

Обычный человек, да и маг из геданов не выдержал бы такого напряжения и сошел с ума. Но тот, кто воплотил в себе Храм Тьмы и постиг давно забытые умения орданов, Старых народов, смог сохранить связность мышления. Пусть на несколько мгновений, но этого хватило.

Ученики повторили жест наставника, бросая что-то невидимое вперед, и там, где стоял частокол и чернел перед ним ров, ударили фонтаны из комьев земли. С чудовищным гулом зашатались намертво вколоченные бревна, поползла по ним гниль. В недрах рва зачавкало, и земная плоть начала смыкаться.

В лагере императора имелись маги, и они попытались сопротивляться, но это походило на попытку сдержать наводнение с помощью заборов. Волна Тьмы смела преграды и пошла дальше, вперед…

Вихрь около Харугота исчез, кожа побледнела, а сам он упал на одно колено.

Командир сотни охраны сделал шаг вперед и увидел, что из ушей консула течет кровь.

– Что с вами, мессен? Вам помочь? – спросил он.

– Нет… – Ответ прозвучал тихо, еле различимо. – Я сам справлюсь.

Чрево рвала такая боль, будто он сам резал себя тупым ножом, в голове что-то трещало. Тьма, как обычно, взимала плату болью, и Харугот терпел, понимая, что нет иного пути.

Что никто, кроме него, не сможет сделать Алион единым…

Затем боль ослабела, и он смог подняться на ноги. Вздохнул холодный воздух, вытер с лица кровь и огляделся.

– Очень хорошо, – сказал консул. – Очень хорошо…

Магический удар уничтожил ров, остатки сгнившего частокола упали на землю, и атакующие колонны ворвались в лагерь, даже не заметив препятствия. Боевые машины оказались захваченными, и теперь войско сошлось с войском, Чернокрылые – с гвардейцами Синей Луны, орки Шахияра – с выходцами из Западной степи, таристеры – с легионерами и ополченцами…

Вот только наступавшие были готовы к такому повороту дела, а оборонявшиеся – нет.

Битва больше напоминала бестолковую свалку. Доносились полные злости и страха вопли, лязг, грохот и ржание. Знамена над полками северян неспешно двигались вперед, показывая, что наступление продолжается, но войска императора и не думали бежать.

– Наш час, – сказал Харугот, подошел к своему жеребцу и забрался в седло.

– Вы хотите идти в бой? – недоверчиво спросил командир охранной сотни.

– Конечно, клянусь Великой Бездной. Если мы проиграем, то не имеет значения, выживу я или нет.

Консул знал, что солдаты любят такие жесты со стороны полководца, и понимал, что об этом его поступке вскоре будут знать все. А еще он надеялся, что Чернокрылые не заметили, как он пошатнулся, забираясь в седло.

Заклинание отняло силы, и в теле поселилась предательская слабость.

Медленно, шагом поехал вниз по склону холма, к дороге, туда, где в клубах пыли ворочались, точно два борца, сцепившиеся армии. За Харуготом последовали охранники-Чернокрылые и примерно полутысяча хирдеров резерва под командованием Тивална ари Сарфта, молодого таристера, чьи владения лежат на севере Золотого государства, около границы с Ланийской маркой.

Ари Сарфт нагнал консула, торопливо сказал:

– Мессен, позволь нам пойти в атаку впереди! Мы сметем всех, кто осмелится встать на нашем пути!

– Сейчас важна не сила удара, а его точность, – неспешно ответил Харугот. – Так что поведу вас я.

Он чувствовал, даже знал, что после магической атаки из трех дюжин учеников в живых осталось полтора десятка, и сознание сохранили лишь пятеро. Но находились они на переднем крае битвы, и правитель Безариона мог пользоваться их глазами и ушами, как своими.

Молодой таристер поморщился, но покорно кивнул и приотстал.

– Налево, – скомандовал Харугот, когда они достигли задних рядов сражающегося войска, и вытащил меч из ножен.

Тот показался неожиданно тяжелым.

– Шпоры! – гаркнул консул, переводя жеребца с шага на рысь, а затем посылая его в галоп.

Краем глаза увидел, что его нагнали двое Чернокрылых с обнаженными клинками. Пристроились рядом, чтобы при малейшей опасности кинуться на помощь, собственными телами прикрыть господина.

Но вступить в бой они не успели. Спереди и справа донеслись полные торжества вопли, и Харугот понял, что средняя колонна, ведомая ари Форном, смяла наконец ряды легионеров. Вслед за ней качнулись вперед правая и левая, и императорские войска стали отступать.

Консул придержал коня.

– Стоять! – зычно приказал он, повернулся к знаменосцу и добавил: – Размахивай кругами – три раза!

Этот сигнал давал командирам понять, что преследовать бегущих не нужно.

– Так это что, победа? – донесся из-за спины задорный голос ари Сарфта.

– Победа. Осталось только немного подождать, и она сама упадет мне в руки, – проговорил Харугот и с неудовольствием отметил, что уголок его рта дернулся.

Вернулся нервный тик, возникавший при усталости и раздражении, с которым не могла справиться никакая магия. И порой такая мелочь способна испортить удовольствие от блестящего успеха.

В императорском лагере истошно взвыли трубы, призывая войска к немедленному отходу.

Глава 2
Хозяева пустыни

Олен открыл глаза и едва не ослеп от ударившего по зрачкам оранжевого сияния. Попробовал пошевелиться и обнаружил, что все тело саднит, и малейшее движение причиняет боль.

А еще вызывает неприятный шелест.

Прищурившись, сумел разглядеть, что вокруг громоздятся настоящие горы песка и что сам он лежит на склоне одной из них. Понял, что это солнце льет с белесоватого неба испепеляющий жар, так похожий на тот, что некогда ощущал Рендалл в кошмарных снах-видениях…

– Клянусь Селитой, – просипел Олен, с трудом ворочая пересохшим языком. – Куда это нас занесло?

– Мяу, – ответили из-за спины.

В поле зрения появился Рыжий. Огромный кот-оцилан выглядел недовольным, уши были прижаты, хвост бил по бокам. По песку ухитрялся шагать так, словно вообще ничего не весил. Под мягкими подушечками лап не сдвигалась ни единая песчинка, не оставалось ни малейшего следа.

– И ты здесь? – Олен смог встать, пошевелил руками, проверяя, все ли в порядке. – А где Харальд?

Ледяной клинок находился на месте, на поясе, Сердце Пламени – на пальце. Руки и ноги двигались нормально, ничего не было сломано. Боль шла от лица и рук, что успели обгореть на солнце. Свирепо ныли колени и локти, то ли пострадавшие во время битвы в Цантире, то ли ушибленные во время приземления.

Около того места, где лежал Рендалл, виднелся круг сплавившегося песка. Точно такой же имелся чуть в стороне, но в центре его никого не было, лишь отпечаток фигуры невысокого человека.

– Здесь я, – негромкий спокойный голос прозвучал с вершины песчаной горы, и Олен уловил шорох шагов. – Так вот каков твой мир? Не слишком гостеприимно он выглядит.

– Я вообще не уверен, что это он… не знаю, куда нас занесло…

– Но это не Вейхорн. – Харальд спустился к спутнику, и Олен вновь увидел его узкое, обманчиво молодое лицо, светлые волосы, зеленые глаза. – Воздух тут другой на вкус. Когда ты пространствуешь по мирам с мое, тоже научишься различать такие вещи.

– У нас в Алионе, – Олен дернул себя за мочку уха, пытаясь вытащить из памяти все, что знал о родном мире, – есть только одно место, где имеются пески… Это пустыня на юго-востоке. Но там мы или нет, я смогу определить только ночью, когда появятся звезды…

– Мяу! Мяу! – подал голос Рыжий, после чего встряхнулся так, что песок полетел во все стороны, и задрал хвост трубой.

– А вот твой кот, похоже, уверен, что мы там, где надо, – сказал Харальд. – До ночи долго, стоять на месте глупо. Двинемся на северо-запад?

– Давай, – согласился Рендалл.

И они пошли.

Впереди бежал оцилан, мрачно поглядывая по сторонам. За ним шагали люди. Скрипел под сапогами песок. Забравшись на вершину песчаной горы, увидели, что во все стороны, сколько хватает взгляда, простираются точно такие же – оранжевые, желтые, красноватые…

Потихоньку опускавшееся солнце, отражаясь от них, слепило глаза.

Олен топал вслед за Харальдом и вспоминал события, приведшие к тому, что он оказался так далеко от дома. Нападение Чернокрылых на деревню Заячий Скок, бегство и обре-

тение ледяного клинка… Саттия, Бенеш и Гундихар, верные спутники… Погоня за Сердцем Пламени… Плавание на остров Тенос, уничтожение древних храмов, когда волна высвобожденной силы вышвырнула Рендалла за пределы родного мира и забросила в другой, под названием Вейхорн…

Вспоминал Юрьяна Шустрого, скальда и бабника, странствия по Холодному материку. Из памяти всплывали схватки с титанами, хозяевами Вейхорна, Хельга, ее пушистые волосы и красивый голос; встреча с Харальдом; Рик, уттарн-маг; великий Цантир, город на берегу Срединного моря.

И вот Олен вроде бы вернулся в родной Алион.

Что ждет его здесь? Это зависит от того, выжил ли Харугот из Лексгольма в тот день, когда пали храмы Тьмы на Теносе. Если нет, то нужно решить, что делать с мечом и перстнем, и отыскать спутников. Если да, то впереди – продолжение войны с могучим колдуном, сумевшим захватить императорский трон. Попытки убить того, кто давно перестал быть человеком…

Того, кого не может поразить даже ледяной клинок.

Как это сделать, Олен совершенно не представлял. Разве что найти Саттию, что на Теносе стала Хранительницей Тьмы, и использовать ее силу. Но для того, чтобы это сработало, нужно подойти к консулу Безариона вплотную, а сделать это не легче, чем попасть в другой мир и живым вернуться обратно.

Хотя для начала нужно понять, где они, и выбраться к более населенным местам.

Когда в поле зрения Рендалла попало темное пятнышко на горизонте, он поначалу решил, что от жары начались видения. Но Харальд остановился, поднес ладонь ко лбу и всмотрелся вдаль.

– Что-то там есть, – сказал он. – Или мне кажется?

– Если кажется, то и мне тоже, – пробормотал Олен. – Что там такое, ты можешь разглядеть?

Зрение у беловолосого странника по мирам было впору эльфу.

– Вроде бы развалины. Подойдем ближе – узнаем. – И, пожав узкими плечами, Харальд отправился дальше.

Пятнышко увеличилось, с вершины очередной песчаной горы Рендалл увидел, что это и вправду обломки стен и колонн торчат из желтого песка и выглядят так, словно их долго коптили. Когда подошли вплотную, обнаружились трещины и сколы, похожие на следы от зубов, и дверные и оконные проемы, почему-то круглые.

При мысли о том, что тут некогда жили, по спине Олена побежал холодок.

Кто мог обитать в безводной пустыне, под беспощадным солнцем, среди песков? Или тут не всегда было так сухо? Некогда журчала вода, росли деревья и тень падала на густую траву?

Пятачок развалин остался за спиной, но вскоре попался новый, рядом с ним еще один. Путники сами не заметили, как очутились в настоящем городе, а под сапогами оказалась мостовая из квадратных плит в пару локтей шириной.

Каждый шаг по ней отдавался глухим стуком, а по сторонам своеобразной «улицы» высились наполовину засыпанные песком здания. Торчали кривые башни, и черно-красные стены, сложенные из крупных валунов, пересекались самым странным образом.

Арки укрывали под собой заполненные мглой проходы, темнели круглые окна.

Олену все это поначалу напомнило уничтоженный во время Падения Небес город, что он видел в Вейхорне. Но потом мысли вернулись к крепости, на которую наткнулся в Великой степи, во время погони за Сердцем Пламени.

Так что, они все же в Алионе? Но кто тогда построил все это? Неужели сираны, древняя и могучая раса, о которой даже в самых древних летописях остались только обрывки сведений?

Рыжему в развалинах не нравилось. Он то и дело приостанавливался, дергал шкурой на спине, шевелил усами. А пару раз начинал шипеть в сторону проходов под арками, где во мгле что-то шевелилось.

– Пакостное местечко, – заметил Харальд, когда они вышли на большую круглую площадь, окруженную десятками башен, похожих то ли на окаменевшие щупальца, то ли на кривые пальцы с острыми когтями.

Олену на мгновение показалось, что они вступили в громадную, широко открытую пасть и что зубы-башни сейчас сойдутся.

– Это точно, – согласился он.

– Однако на ночь придется вставать тут. – Харальд глянул в сторону солнца, что опустилось к горизонту. – Передохнем, а до восхода, по холодку, двинемся дальше. Если и завтра не найдем воду, дело будет худо.

– Может, она есть где-то тут, в развалинах? – Олен наклонился к оцилану. – Рыжий, ты воду не чуешь?

Но кот не ответил ничего, только нервно взмахнул хвостом.

Выбрали местечко у одной из башен, чьи стены выглядели монолитными, без дыр и проломов. Солнце зашло, и на пустыню мгновенно рухнула темнота. Вспыхнули на небе звезды.

– Вот теперь я точно знаю, что мы у меня дома, – сказал Рендалл, обнаружив знакомые с детства очертания Звездного Круга.

С души свалился хотя бы один из камней, исчезла опаска, что его вновь закинуло неведомо куда.

– Дом… Если ты еще помнишь, то скоро забудешь значение этого слова, – проговорил Харальд. – Ладно, я посплю, ты сторожишь.

И через мгновение он засопел равномерно и тихо, словно ребенок.

Олену хотелось спать, но много сильнее было желание напиться. Горло пересохло до боли, губы обветрились. Желудок, казалось, ссохся в колючий угловатый комок.

Но мгновенно забыл о жажде, когда неподалеку, откуда-то из-за развалин, в небо ударил фонтан белого сияния. Вздыбился чудовищным цветком и исчез, и по верхушкам башен побежали голубоватые зарницы. Зашевелился во тьме Рыжий, открыл золотистые глаза.

– Это еще что? – пробормотал Рендалл, берясь за эфес. – Очередные мертвые боги и призраки?

Новый гейзер из света взмыл к небесам, на этот раз в другом месте, словно кто-то стрелял по звездам из дивного оружия. Поплыли в вышине полосы желтого и лилового сияния.

Олену послышался далекий, идущий из недр рокот.

Вскоре стало ясно, что заброшенному городу нет до попавших в него чужаков никакого дела и что световая буря творится сама по себе. Никто не нападал, не спешил потревожить стоянку путешественников. Там и сям по руинам бродили огни, сверкали облака огня, беззвучные молнии полосовали вышину, и поднимались фонтаны алого, белого и синего пламени.

– Красиво, – оценил Харальд, когда Рендалл разбудил его. – Ложись и спи, на рассвете выйдем.

Рендалл завернулся в плащ и лег. Уснул мгновенно, и тут же, как показалось, его потрясли за плечо.

– Что, утро? – спросил он, с трудом ворочая сухим языком.

– Нет. Но самое время отправиться в путь.

Звезды успели сдвинуться, а небосклон на востоке чуть подернулся розовым, показывая, что до восхода недалеко. Олен поднялся, растер лицо, чтобы хоть как-то взбодриться, и сказал:

– Я готов.

Пока он спал, мертвый город прекратил светиться. Развалины стали просто развалинами, камни – камнями, и поднялся ветер – прохладный и сильный, полный мелкой, секущей кожу пыли.

Преодолевая его напор, они вышли с площади и зашагали меж корявых, точно из кошмарного сна явившихся зданий. Олен поежился, когда показалось, что в спину кто-то смотрит. Бежавший впереди Рыжий оглянулся, в приоткрывшейся пасти блеснули белые клыки.

Чужой взгляд исчез, а через несколько шагов руины закончились. Впереди раскинулись новые холмы из песка, серые в тусклом предутреннем свете. Лучи выглянувшего из-за горизонта солнца упали на них, и розовые искры заиграли на «ветвях» торчавших из песка золотистых «елочек».

Их было около дюжины, и они образовывали неровный треугольник, одним из углов направленный на мертвый город.

Харальд остановился:

– Это еще что?

– Не знаю… – проговорил Олен. – Хотя мне кажется, что подобные штуки я где-то видел. Вспомнить бы еще где.

– Заодно вспомни, насколько они опасны.

Оцилан зашипел, и тут одна из «елочек» лопнула, превратилась в облако лилового дыма. Сердце Пламени на пальце ожило, нагрелось, по его красной поверхности забегали белые и желтые искры. От ледяного клинка пошла волна холода, заставившая Рендалла вздрогнуть.

Харальд обнажил меч одним быстрым движением.

– Эта штука движется к нам, – сказал он, глядя на лениво ползущее в их сторону облако.

– И вряд ли для того, чтобы просто поздороваться.

Олен вытащил свой клинок, вокруг полупрозрачного лезвия цвета темного льда затанцевали похожие на снежинки огоньки.

Оцилан выгнул спину и зашипел, словно обычный кот при виде соперника.

Облако поползло быстрее, а затем свернулось, точно старый ковер, и превратилось в клыкастую тварь, похожую на прямоходящего волка с желтой шерстью. Тварь издала злой рык и прыгнула к людям, из раскрытой пасти закапала на песок мутная слюна, поднялись когтистые лапы.

Олен чуть пригнулся и встретил тварь ударом. Увидел, что попал, и отскочил в сторону. Мелькнул клинок Харальда, отражая восходящее солнце. Утробно замяукал Рыжий.

Тварь приостановилась, мотнула головой, сбрасывая вцепившегося в шею кота. Из разрезов в желтой шерсти не вытекло ни капли крови, зато заструился синеватый дым. Он окутал фигуру чудовища, растворил в себе, и повторный выпад Олена пропал зря – острие пронзило лишь пустоту.

– Что за ерунда? – воскликнул Харальд. – Эта штуковина меняет облик?

В рычании оцилана послышалась растерянность.

Дым вновь сгустился, и в атаку бросилась крупная птица, с крыльев которой летели искры, а глаза пылали настоящим огнем. Рендалл увернулся, услышал тихий звон с той стороны, где торчали из песка «елочки», и понял, что они тоже решили принять участие в схватке…

– Осторожнее, их много! – крикнул он, отступая к ближайшей стене, чтобы прикрыть спину.

Харальд повторил маневр спутника, и в следующий момент их атаковала целая стая чудовищ. Все они были разными и мало походили друг на друга – клешни рака на львином туловище; клубок змей, изрыгающих дым; нечто покрытое чешуей, блистающее так, что больно глазам. И все это скопище шипело, ревело и стонало, постоянно меняя облик.

Удары мечей отбрасывали тварей, наносили им раны, но те мгновенно затягивались.

– Плохи дела, – проговорил Харальд, когда пораженная в глаз паукоптица превратилась в лужу из черной слизи, а из той встала приземистая фигура без головы, похожая на голема. – Как насчет твоего перстня?

– Сейчас, – ответил Олен, обрубая тянувшиеся к нему щупальца, усаженные лиловыми присосками.

Рыжий метался среди тварей, пытался кусать их, но большей частью уворачивался от атак.

– Сейчас, – повторил Рендалл, поднял левую руку и обратился к Сердцу Пламени. Ощутил укрытую под личиной кольца из металла мощь бушующего огня, его желание уничтожать, сжигать все на своем пути, и выпустил ее…

Точно змеи из алого пламени прыгнули во все стороны. Взвыла тварь, похожая на медведя с человеческими руками, когда огненные языки побежали по ее шерсти. Другая, многоглазая и клювастая, на тонких ногах, попыталась отпрыгнуть, но не успела, и мигом превратилась в пепел.

Пламя охватило чудовищ одного за другим и сожгло их, а Олен покачнулся от накатившей слабости.

– Похоже, что все… – сказал он.

– Нет, не все, – покачал головой Харальд.

Кучки пепла начали шевелиться, от одной заструился дым, из другой ударил фонтанчик воды. Третья сложилась в малюсенькую человекоподобную фигурку, и та принялась расти.

– Чтоб их… – Рендалл поднял меч и облизал сухие и шершавые, будто наждак, губы. – И что с ними делать?

– Убежать мы вряд ли сможем. Остается сражаться. – Голос Харальда не дрогнул, лицо осталось бесстрастным.

Столб дыма обернулся исполинской змеей, из фонтанчика вылезло нечто, похожее на осьминога. Человечек из пепла вырос, обнаружилось, что вместо кистей у него острые кинжалы.

Олен отразил первый удар, полоснул мечом по оскаленной харе. Атаковал сам, и ледяной клинок легко развалил тушу осьминога надвое. Та с чавканьем упала на песок, и повеяло сыростью.

Рендалл отстраненно подумал, что долго им не продержаться.

Через некоторое время мысли исчезли. Остался только меч в руках, собственное непослушное тело, наливающиеся усталостью мышцы, кровавый туман перед глазами и изменчивые, текучие фигуры врагов.

Краем глаза видел, как сражается Харальд, но особого внимания на него не обращал. Знал, что помощь тому вряд ли понадобится, а если понадобится, то все, сопротивляться бессмысленно. Слышал мяуканье оцилана и надеялся, что тот сумеет выжить сегодня, а потом – пройти половину Алиона и добраться до родных мест, до Вечного леса.

И так слишком долго находился рядом.

Удар, разворот, смрадное дыхание из огромной пасти…

Отрубленная когтистая лапа падает на песок, чертит по нему глубокие борозды…

Глухой лязг – меч Харальда врубается в чешую очередной твари…

Олен пригнулся, сделал выпад, с удивлением отметил, что солнце поднялось довольно высоко и жжет затылок.

Это сколько же они сражаются?

На мгновение отвлекся, и верещащее крысоподобное существо с двумя головами оказалось совсем рядом. Подпрыгнуло, норовя вцепиться в пах. Рендалл отскочил, но одна из пастей ухватила штанину, послышался треск рвущейся ткани. Удар меча – и тварь исчезла в облаке серого дыма. А из разодранного в клочья кармана полетела на песок всякая ерунда – кусок ткани, несколько кедровых орешков, щепки, еще какой-то мусор.

Последним выпал блестящий темно-багровый камушек.

Пикировавший сверху «орел» с лягушачьей головой резко повернул в сторону. Две твари, находившиеся ближе всех к Олену, превратились в золотые «елочки». Остальные замерли.

– Чем ты их напугал? – спросил Харальд, поводя мечом из стороны в сторону.

По лицу его тек пот, оружие в руках подрагивало, и вообще странник по мирам выглядел усталым.

– Не знаю, – ответил Рендалл. – Вот этим голышом… Откуда он у меня, интересно? А, понятно…

Вспомнился тот день, когда они с Бенешем и Гундихаром залезли внутрь старой крепости, что стоит посреди Великой степи. Чуть не погибли, видели очень много чудного, и именно тогда Олен прихватил на память камушек, выпавший из дырки в стене.

И выглядела та крепость так же, как город в песках, – ало-черные стены, арки, кривые башни…

– Они отступают, – сказал Харальд.

«Елочки» медленно отодвигались, хотя не было видно, чтобы они чем-то шевелили. Чудовища один за другим превращались в облака дыма, и те плыли против ветра.

– Мяу! – с победными интонациями сообщил Рыжий, на боку которого в густой шерсти виднелась большая проплешина.

Рендалл опустил меч, тыльной стороной кисти провел по лбу, вытирая пот. Подумал, что еще немного, и потеряет сознание от недостатка воды. Потряс головой, отгоняя звон в ушах.

Одно из облаков дыма повисло неподалеку и принялось менять цвет, от белого к серому, затем к черному. На мгновение стало напоминать лужу, куда вылили краски всех цветов радуги. Из его глубин раздалась серия пронзительных щелчков, на смену которым пришел тонкий писк.

– И что бы это значило? – спросил Олен.

– Не знаю, – нахмурился Харальд. – Но я…

– Не знаю, – сказало облако, – но я…

Очертания его задрожали, облако сгустилось и образовало человекоподобную фигуру в рост эльфа. Границы ее были туманны, а вместо лица имелось что-то похожее на пузырь. В самом центре открывалось и закрывалось круглое отверстие, будто кто-то надавливал пальцем.

– Рот? – предположил Рендалл. – С нами хотят говорить?

– Говорить, – неожиданно басом повторила туманная фигура.

Закрутилась вокруг своей оси, превратилась в столб пламени, от которого повеяло сухим жаром. Пламя погасло, в воздухе затанцевала полупрозрачная стрекоза с кошачьей головой и скорпионьим хвостом. С крыльев ее полетела сладко пахнущая разноцветная пыльца.

– Только наш собеседник, похоже, давно разучился долго оставаться в одном обличье, – сказал Харальд, убирая оружие, – и общаться словами. Ты не знаешь, кто это такой?

– Говорят, что в этих местах обитают последние сираны, остатки давно вымершей расы. О них мало что известно, даже неведомо, как они выглядят. Я слышал, они были искусны в магии, но достигли таких ее глубин, что всем народом сошли с ума…

– Сираны, – прожужжала стрекоза и вновь стала облачком дыма, на этот раз – розового, а затем – золотистой «снежинкой» диаметром в локоть.

– И как с тобой разговаривать? – спросил Олен. – Ты наверняка воспринимаешь мои слова, а я твои – нет.

«Снежинка» задрожала и распалась на две. Они некоторое время покружили рядом, а затем соприкоснулись.

– Он должен дотронуться до тебя. – Харальд потер лоб. – Хотя я думаю, это опасно, но… другого выхода нет.

– Я не боюсь… – проговорил Рендалл.

Призрачное существо, способное с невероятной скоростью менять облик, не внушало ему страха, только любопытство. Ясно было, что убить их хотели не из-за агрессивности, а просто из-за того, что обитатели мертвого города очень давно не встречались с чужаками. И, обнаружив их в центре своих владений, решили уничтожить.

– Давай, дотронься до меня. – Олен спрятал ледяной меч в ножны и сделал шаг вперед. – Я… готов…

Две «снежинки» слились в одну, и она неспешно поплыла к Рендаллу. Он прикрыл глаза, ощутил легкое, почти невесомое прикосновение ко лбу, точно на голову опустилась паутинка. Затем в глубинах черепа вздрогнуло, и прозвучал тонкий, едва слышный голос:

«Кто ты?»

«Человек. Олен Рендалл», – подумал он.

«А что это значит?»

Олен напрягся, думая, как ответить на этот вопрос. Как объяснить, что такое люди, тому, кто никогда с ними не сталкивался?

Он глубоко вздохнул и начал вспоминать, с самого начала, с тех образов, что появляются в первые годы жизни и потом не исчезают до старости…

Он слышал, как свистит в развалинах ветер, как возится затеявший умывание Рыжий, но не позволял себе отвлечься. Разматывал свою жизнь как огромный свиток, только прочитав который целиком, можно понять, что же такое человек по имени Олен Рендалл.

Сиран давал знать, что он еще тут, легким прикосновением ко лбу Олена и неприятной щекоткой в глубине головы. Судя по отсутствию вопросов, он улавливал мысли собеседника или, по крайней мере, его настрой.

– Все, – сказал Олен. – Если и теперь непонятно, то вряд ли я смогу объяснить лучше.

Сиран ответил после паузы:

«Я понял. Спасибо за откровенность. Мы узнали много нового».

– А кто ты? – спросил Рендалл.

«Смотри», – сказал голос внутри его головы, и на сознание обрушился поток ярких образов.

Это походило на ритуал Воссоединения, во время которого Олен получил память предков-императоров, но было куда более болезненным. Он видел вещи, каким не знал названия, события, которые не мог понять и даже просто назвать словами из языка роданов…

Какое-то время сопротивлялся, а потом накатила темная волна беспамятства.

Она накрыла Олена с головой, и когда он вынырнул, то обнаружил, что лежит в тени стены, а на лицо ему льется что-то холодное.

– Вот ты и пришел в себя, – сказал черный силуэт, оказавшийся Харальдом. – Твой собеседник просто слегка не рассчитал сил и теперь ужасно извиняется. А еще он притащил нам воды…

Проморгавшись, Рендалл обнаружил рядом большой черный кувшин с двумя ручками, а над головой Харальда – золотую «снежинку». Похоже, это был тот сиран, что разговаривал с ним.

– Это и вправду они… – проговорил он. – Одни из первых хозяев Алиона, пришедшие сюда, когда мир был молод.

Большая часть того, что Олен увидел, исчезла без следа, но кое-какие обрывки в голове задержались. Судя по ним, первоначально сираны напоминали людей, только имели три глаза, а не два, и чешую вместо волос. Многие тысячелетия они владели почти третью Алиона, с помощью магии заглядывали за его пределы, но еще до прихода эльфов начали вырождаться.

Выжили только искуснейшие маги, сумевшие изменить свои тела так, что они перестали быть живыми, перестали быть подвластными Адергу. Платой за это стало безумие и добровольное заточение в пустыне на крайнем юго-востоке Алиона. За те тысячелетия, что они провели здесь, последние сираны забыли, как выглядит мир, что за народы населяют его…

Им осталось только собственное умение, дикое и странное.

– Похоже на то, – кивнул Харальд. – Я тоже с ним «побеседовал». Нас бы убили, не покажи ты, что носишь с собой… – тут он замялся, – след праха… гроб… останки… Невозможно подобрать слово… В общем, то, что осталось после смерти одного из их сородичей.

– Я?

– Именно ты. – Харальд раскрыл ладонь и показал тот самый темно-красный камушек, что выпал у Олена из кармана. – Положи его на место, береги, и тогда нас выпустят отсюда живыми.

– Дай, я попью. – Рендалл сел и потянулся к кувшину. – А то голова ничего не соображает…

Он сделал несколько глотков, плеснул на лицо, смывая песчинки и пот, и после этого смог мыслить связно. Итак, та крепость в степи построена сиранами в очень давние времена, и, скорее всего, это не укрепление, а нечто вроде усыпальницы, в которой нашли покой могучие маги древнего народа. Там они задремали вместе со своими видениями и кошмарами…

И Олен захватил с собой прах одного из них.

Он взял «камушек» с ладони Харальда, ощутил его холодную тяжесть и положил в уцелевший карман.

– Он сказал, – проговорил Харальд, а висевший в воздухе сиран завибрировал, став похожим на облачко золотой пыли, – что ты сделался кем-то вроде хранителя праха… эх, опять слов не хватает. Ну, в общем, оказал большую честь, и поэтому он готов идти с нами.

– Что? – удивился Рендалл. – С нами?

Золотое облачко сползло к земле, распухло и превратилось в человекоподобную фигуру из огня.

– С вами, – подтвердила она. – Говорить слова… плохо… но учиться… ты помочь тому, кто умер, познавать… носить его… поэтому я помочь тебе… я видеть, кто твой враг… опасно для всех…

С каждым словом фигура уплотнялась, обрастала плотью, и к окончанию фразы рядом с людьми стояло нечто похожее на куклу из глины, но с пылающими пламенем глазами. На ней то и дело появлялись трещины, но мгновенно зарастали, на смену им приходили новые. Пальцы на руках подергивались, ноги норовили то обрасти шерстью, то стать каменными. Видно было, что сирану трудно удерживать постоянную форму и что он старается изо всех сил.

– Ну, не знаю… – проговорил Олен, пытаясь сообразить, что им делать со столь внезапно появившимся спутником.

С одной стороны, сиран могуч, будто ураган, а с другой – столь же непредсказуем. Если те же нагхи хоть в чем-то, но походили на людей, то здесь речь шла о существе, непонятном с человеческой точки зрения и даже не вполне живом.

– Боюсь, что отказ он не воспримет, – сказал Харальд, а вышедший из-за его спины Рыжий деловито подтвердил:

– Мяу.

– Я видеть раньше… – заговорил сиран, открыв рот, но забывая двигать губами, – такую вещь… как твой меч… – Тут над головой жителя пустыни вздыбился ореол из синевато-желтого пламени. – Они опасны… в старые времена йотуны делать… они смертоносны всем…

– Хорошо, ты пойдешь с нами, – кивнул Олен.

Вдруг это создание, меняющее облик, живущее тысячи лет – единственный шанс узнать что-то о ледяном клинке? Судя по всему, сиран постепенно научится говорить как следует, и тогда его удастся расспросить.

– Вот и славно. Ты готов? – спросил Харальд.

– Да, готов. Пошли.

Олен поднялся, и только тут обратил внимание, что «елочки» остальных сиранов исчезли, не оставив даже следа.

– Да, кстати, – сказал он, глядя в лицо нового спутника, точнее, в грубую бурую маску с крохотным носом. – Мы должны как-то тебя называть. Я понимаю, что у вас нет имен, но что-то можно придумать…

– Называть? – Глаза сирана вспыхнули, на груди выступили капли черной, резко пахнущей смолы. – Меня… – Он сменил облик, превратившись в нечто вроде старого пня с корнями сверху, но затем вернул прежний. – Я понимать, что это нужно… Да, звать меня Тридцать Седьмой…

Харальд хмыкнул:

– Ну и имя! Ладно, Тридцать Седьмой, бери свой кувшин, и пошли. Будешь показывать дорогу.

Сиран простер похожую на дощечку ладонь, и черная посудина, слегка булькнув, поднялась в воздух. Подплыла к обитателю пустыни, прилипла к его спине, и он двинулся на северо-запад, прочь от развалин.

Мягко полетел, еле касаясь песка и даже не подумав о том, что нужно шевелить ногами.

Окна Дворца Небесной Истины были открыты, и в них врывался приглушенный шум текущей воды. Царила весна, и река Лоцзы, в прочее время тихая и спокойная, как мудрый старец, бурлила, кидалась на берега. Ветер шевелил занавеси, нес запахи юной листвы и мокрой земли.

Андиро Се-о они напоминали о далеком детстве, когда главной проблемой было то, чтобы твой кораблик из дерева священной ивы продержался на водах ручья дольше, чем у брата…

Брат сейчас далеко, в родовом имении, а он, Андиро, сидит на ступенях Яшмового Трона и смотрит, как в зал один за другим входят старейшины. Кивает знакомым, вежливо улыбается и старается не думать о том, что именно ждет его впереди. И не глядеть на одну из дверей позади трона.

На ту, за какой ждут Третий Маг и человек, которого они привезли с юга.

Отряд, ведомый Андиро Се-о, вернулся в столицу чуть меньше месяца назад. И тогда же по всей стране белых гномов разослали гонцов, несущих в сумке крохотный алый топорик – знак того, что каждый город, каждый знатный род и селение обязаны дать воинов.

К сегодняшнему дню ополчение собралось целиком. Сошлось к обычному месту встречи, что находится чуть ниже по течению, чем Дворец Небесной Истины. Осталось решить, что с ним делать.

Вслед за Унтаро Ка-о в зал начали входить маги: Первый, Второй, Четвертый… Они выглядели озабоченными, вышитые на халатах драконы разевали пасти, били хвостами. Старейшины уселись на лавки, а колдуны встали полукругом перед Яшмовым Троном.

– Начнем же, во имя всех богов, – сказал Первый, чей халат сиял белизной горных снегов, а драконы на нем были алыми. – Вчерашний день мы посвятили жертвоприношениям, и они оказались приняты. Осталось сделать последний шаг, – тут маг замялся, что было на него совсем не похоже, – и вручить власть над страной тому, кто способен одолеть любые сложности… Все вы помните, чем завершилось наше гадание прошлой осенью, в Огонь Сливы… Войну увидели мы в будущем и необходимость найти правителя за пределами Дворца…

Видно было, что эта речь дается старейшему из чародеев нелегко.

За более чем столетнюю жизнь он сжился с тем, что все идет по раз и навсегда заведенному порядку, что Аркуд с милостью взирает на своих детей – белых гномов, и привык думать, что так будет всегда.

Ну а разочаровываться в убеждениях под конец жизни всегда тяжело.

Андиро Се-о со ступеней был виден весь зал, и он мог при желании разглядеть лицо каждого старейшины. В данный момент физиономии знатнейших и мудрейших гномов не сильно отличались друг от друга. Они выражали обеспокоенность, в глазах пряталась неуверенность.

Результат осеннего гадания поверг их в шок, и многие не отошли от него до сих пор.

– Андиро Се-о, – сказал Первый Маг, повернув голову, – не желаешь ли ты поведать совету о вашем путешествии?

За вопросом таился приказ.

Андиро Се-о встал, отвесил поклон и принялся рассказывать о долгом пути на юг. О том, как они с Третьим Магом достигли единственного на всю страну храма Азевра, как через пещеры и зачарованный лес прошли к маленькой пирамиде и разбудили спавшее в ней существо, что известно под прозвищем Заключенный-в-Камне.

– Очень хорошо, – проговорил Унтаро Ка-о, когда рассказ окончился. – Так покажите его нам!

Унтаро Ка-о стоял во главе сильного и богатого рода, и сам считался первейшим претендентом на Яшмовый Трон. Поэтому именно он имел больше всех оснований быть недовольным тем, что все пошло странным и непредсказуемым образом.

– Сейчас покажем, видит Хозяин Недр. – Первый Маг огладил подбородок и сделал приглашающий жест.

Открылась дверь позади трона, и из нее вышел Третий Маг в белом халате с желтыми драконами. За ним в зал шагнула фигура в темном плаще с капюшоном, что полностью закрывал лицо. По рядам старейшин прошел изумленный ропот, кое-кто присвистнул.

Белые гномы отличаются более высоким ростом, чем их обитающие на западе собратья, но существо под капюшоном было выше любого из них на голову.

– Это что, эльф? – с брезгливой ноткой в голосе спросил один из старейшин, вошедший в совет недавно.

– Нет. – Третий Маг подал знак, и фигура откинула капюшон.

На этот раз в зале воцарилась полная тишина.

Андиро Се-о вспомнил тот момент, когда он сам впервые увидел Заключенного-в-Камне, и криво улыбнулся. Да, он тоже оказался поражен тем, что мудрейшим существом Алиона является представитель расы, что появилась в этом мире позднее всех, если не считать уничтоженных тиренов.

– Человек? – спросил Унтаро Ка-о, и его голос посреди безмолвия прозвучал визгливо-нервно. – Не ожидал… Я полагал, что он… И это тот, кто должен спасти нас в годину бедствий?

Мужчина, высокий и плечистый, темные волосы торчат в беспорядке. На щеке – шрамы, будто от когтей. Длинные тонкие пальцы, прямой нос, но ничего особенного или примечательного. Стоит прямо, в глазах – пустота, как у лишенного разума.

– Он самый, – кивнул Первый Маг. – Но для тех, кто сомневается, мы готовы провести еще одно гадание, прямо сейчас.

И в руках его появился пенал из темно-вишневого дерева. Щелкнул замочек, поднялась крышка, и стали видны небольшие пластинки, выточенные из камня цвета слоновой кости.

Гадательные плашки, что в давние времена даровал белым гномам сам Аркуд.

– Конечно, – с убеждением проговорил Саворо Та-и, старейший в совете, за плечами которого осталось полтора века жизни, – пусть покровитель нашего племени явит нам свою волю…

Он сделал священный жест – покрутил правой рукой над головой, а затем провел перед лицом. Этот жест повторили все старейшины и маги. Только человек остался неподвижным.

– Хорошо, тогда мы приступаем. – Первый Маг вытащил плашки из пенала, мгновение подержал их в руках, а затем швырнул вверх. Остальные колдуны сложили ладони перед грудью и забормотали молитву.

Пластинки взлетели на пару локтей и исчезли в непонятно откуда возникшем бело-красном облаке. Оно повисело на месте, издавая такой шелест, словно внутри крутился не один десяток жерновов, а потом медленно пошло вниз. У самого пола рассеялось, плашки с мягким стуком легли на зеленые плиты.

Андиро Се-о вытянул шею, пытаясь разглядеть, какой узор образовали пластинки. Вроде бы опять «журавлиный клин», и сбоку от него еще кольцо, или скорее овал, а в нем крест…

– Гадание свершилось! – провозгласил Первый Маг. – Воля отца нашего, Хозяина Недр, явлена!

Основам гадания учили всех родовитых гномов, и любой старейшина знал базовые комбинации плашек. Но только чародеи, посвятившие жизнь изучению прихотливого и сложного искусства, могли растолковать все, вплоть до ориентации отдельной пластинки по сторонам света.

Первый, Второй и Третий Маги сошлись вплотную и начали шептаться, время от времени поглядывая туда, где поблескивали лежавшие на полу плашки и чернели на них знаки.

Старейшины ждали, человек бездумно глядел перед собой.

– Хорошо, – сказал наконец Первый Маг. – Я готов дать толкование. Война неизбежна, и победа придет лишь в том случае, если правителем и полководцем станет чужак. Но легко не будет и в этом случае. Хозяин Недр обещает многочисленные испытания и тяжелые битвы… Счастье, что они произойдут не на нашей земле. Войско придется вести далеко на запад…

– Там уже идет война, и не одна, – сообщил Унтаро Ка-о, чьи корабли плавали по морям всего Алиона. – Нагхи вновь предъявили права на Мероэ, люди передрались между собой, ну а в Архипелаге и вовсе творится нечто странное. Способен ли он, – Унтаро Ка-о указал на человека, – разобраться во всем этом?

– В том, что касается войны, Заключенный-в-Камне умнее любого из нас, – проговорил Третий Маг. – Только ум этот пока не проснулся до конца. Чтобы он проснулся, нужно дать ему имя…

– Одного Безымянного на наш мир точно хватит. – Первый Маг вновь огладил подбородок. – Пусть будет Ан-чи, что на древнем языке означает: «Лучший и отважнейший из воинов».

Старейшины закивали, показывая, что согласны с выбором.

Третий Маг шагнул к человеку, посмотрел ему прямо в глаза. А потом заговорил на людском наречии:

– Слушай меня. Имя твое Ан-чи, и ныне ты пробуждаешься от долгого сна, чтобы служить и повелевать…

Человек вздрогнул, оскалился, из груди его вырвалось сдавленное рычание. Руки поднялись к лицу, а когда упали, обнаружилось, что черные глаза Заключенного-в-Камне стали осмысленными. Он с любопытством посмотрел по сторонам, морща лоб и удивленно моргая.

– Ты меня понимаешь? – спросил Третий Маг.

– Да. – Голос у Ан-чи оказался сильным и очень низким.

– Помнишь свое имя?

– Да.

– Дело сделано. Можно приступать к ритуалу возведения на трон, – проговорил Третий Маг и отошел в сторону.

Андиро Се-о глянул на Яшмовый Трон, на котором сам провел пять лет, и подумал, что никогда за четыре тысячелетия на нем не сидел никто, кроме гнома, уроженца долины Лоцзы…

– Приступаем. – Первый Маг хлопнул в ладоши.

Двери позади трона, ведущие в подсобные помещения, открылись, и из них один за другим начали выходить служители Дворца Небесной Истины. Первые двое несли чаши с водой, за ними шагали еще двое с пылавшими факелами, третья пара тащила горшки с землей, а четвертая – два веера. Замыкали процессию трое, несущие расшитый жемчугом плащ из шелка, и один, в руках которого поблескивала большая корона, усеянная драгоценными камнями.

Торчали острые шипы, рубины соседствовали с изумрудами, а алмазы с топазами.

По обычаю, правитель белых гномов надевает корону один раз в жизни – когда восходит на трон.

– Следуй за мной, Ан-чи, – сказал Первый Маг, – достойные старейшины помогут тебе взойти на трон…

Унтаро Ка-о встал со своего места, подошел к человеку и взял его за правую руку. Андиро Се-о – за левую, и они завели нового правителя на первую ступень лестницы, что ведет к Яшмовому Трону. Шагавший впереди Первый Маг обернулся и принялся нараспев читать Коронационную Поэму.

Как известно всякому, она состоит из семидесяти стихов – по десять на каждую из ступеней. В ней упоминаются достойные правителя качества – богобоязненность, милость к слабым, щедрость…

Человек слушал молча, по его лицу нельзя было угадать, понимает ли он хоть что-нибудь.

– Следуй за мной, – повторил Первый Маг, и они перебрались на ступеньку выше.

Унтаро Ка-о и Андиро Се-о вели Ан-чи за собой, сильнейший колдун белых гномов читал стихи. Следом топали служители, физиономии их оставались бесстрастными. Прочие старейшины следили за ритуалом в полном молчании, хотя на лицах многих заметно было смятение.

Человек на Яшмовом Троне? Невозможно!

На верхней ступеньке Унтаро Ка-о и Андиро Се-о отпустили руки Ан-чи и отошли в стороны. Первый Маг усадил нового правителя на трон и низко поклонился. После этого в дело вступили служители, что олицетворяют в церемониале простой народ, без которого любой владыка – ничто…

Как и без поддержки четырех стихий, что служат опорой мирозданию.

На Ан-чи брызнули водой, обмахнули его факелами так, что затрещали волосы. Комочки земли покатились по лицу, по коленям, упали на пол, и рожденный веерами ветерок заставил колыхнуться полы черного плаща.

Человек остался спокоен, хотя Андиро Се-о показалось, что на губах нового правителя возникла слабая улыбка.

– Увенчайте его символами власти, – сказал Первый Маг. – И пусть возрадуется страна, обретшая мужа!

С Ан-чи сняли черный плащ, и стало видно, что человек обнажен по пояс и что на груди у него – родимое пятно, похожее на молот. Затем на плечи ему легла золотая ткань плаща, а корона заняла место на голове.

– Кланяйтесь же! – воскликнул Первый Маг, и сам первым согнулся в поклоне, подавая пример.

Упали ниц служители, согнулись в поясницах маги и старейшины.

Андиро Се-о, кланяясь, вспомнил, как пять с половиной лет назад все точно так же оказывали почести ему. Но он тогда знал, что это немногого стоит и что власть того, кто сидит на Яшмовом Троне, не так велика. А что может подумать человек, не имеющий представления о ритуалах? Что он и вправду стал повелителем всех белых гномов, что он может отдать любой приказ…

И что случится потом?

– Вот и все, – Первый Маг распрямился. – Ритуал исполнен, войско готово. Осталось решить, кто будет управлять страной в отсутствие правителя, а кто попадет в свиту владыки….

Андиро Се-о поймал брошенный на него косой взгляд Унтаро Ка-о и подумал, что его враги не теряли времени зря. В те месяцы, что он провел вдали от Дворца Небесной Истины, плелись интриги и заключались политические сделки. И то, каким будет сегодня решение, можно легко предсказать…

– Могучий правитель, – на наречии людей обратился Первый Маг к Ан-чи, – тебе нужно отдохнуть и подготовиться к походу, в который ты выступишь завтра же утром. Мы же пока обсудим мелкие проблемы, недостойные твоего внимания.

Человек кивнул и поднялся. Служители проводили его до парадных дверей зала, где правителя ждали четверо гномов с топорами – охрана и одновременно стража, что не даст совершить глупости.

Андиро Се-о знал, что нового правителя отведут сейчас в личные покои, где снимут торжественное облачение. Наверняка выдадут что-то попроще, накормят и примутся учить языку гномов. Не зря вслед за служителями отправился Пятый Маг, обладающий редким даром к наречиям.

– Вернемся к нашим крогам, – сказал Первый Маг, когда шаги охранников стихли, и голос его стал сухо-деловитым.

Обсуждение не заняло много времени.

Унтаро Ка-о возглавил регентский совет, а Андиро Се-о получил титул Первого Советника и предписание отправиться вместе с войском. В армию попал и Третий Маг, чьи сила и умения наверняка давно вызывали зависть и подозрения у Первого.

– Ну что, – сказал Андиро Се-о, когда они столкнулись у дверей зала, – вновь будем путешествовать вместе?

– Да, – кивнул Третий Маг, чье круглое лицо выглядело встревоженным. – Боюсь только, что это путешествие окажется не таким легким.

Андиро Се-о вспомнил изнурительное странствие, путь по пещерам, ритуал открытия пирамиды и изумленно покачал головой.

Глава 3
Наследник силы

Два дня корабль сельтаро шел на восток, и ветер все это время оставался попутным. Исправно надувал паруса с красным львом, и огромное судно с шумом переползало с волны на волну.

Гостям отвели две каюты в кормовой надстройке, на втором, если считать снизу, уровне. В одну положили остававшегося без сознания Бенеша, в другой, чуть побольше, поселились Гундихар и Саттия. Девушка сморщила нос, думая, что их третьим соседом станет вонь гномьих портянок, но смолчала.

Вряд ли протест привел бы к каким-то результатам.

К счастью, Гундихар появлялся в каюте лишь для того, чтобы завалиться спать, а сапоги и портянки оставлял за дверью. Остальное время он проводил в кубрике, где стал своим за пару часов. Саттия догадывалась, каким образом – с помощью сальных баек, до которых охочи матросы любого народа.

«Доблесть предков» представляла собой настоящую плавучую крепость. Тут имелось огромное множество закутков, палуб, трюмов с припасами, каких-то странных помещений. Девушка не пыталась во всем этом разобраться, и бóльшую часть времени сидела в каюте, дверь которой была покрыта резьбой, а на переборках висели коричневые от старости гобелены.

Иногда заходила к Бенешу, но тот лежал в беспамятстве, и только редкое дыхание говорило о том, что он не умер.

Утром второго дня на горизонте мелькнули зеленые берега острова Терадос, но быстро спрятались за туманом. Ну а вечером капитан, откликавшийся на имя Саен тар-Падиррах, пригласил гостей на ужин.

Саттию отвели на самый верхний уровень кормовой надстройки, в помещение, которое больше напоминало покои вельможи, чем каюту. Горели масляные лампы в металлических сетках, что уберегают стеклянные колпаки, от курильниц тек запах ароматических трав, а под ногами пружинил ало-золотой ковер, толстый, будто слой мха на болоте.

Из-за открытого иллюминатора доносился шорох волн.

– Прошу, – сказал капитан, одетый в простой торлак с гербом герцогства на правой половине груди, – мессен и мессана, присаживайтесь… Отведаем, что послали нам боги.

Он был невысок для эльфа, а волосы прятал под круглой шапочкой из черной ткани.

– Гундихар фа-Горин отведать всегда готов, ха-ха, – заявил гном, отодвигая тяжелый стул с высокой спинкой.

– Рада приглашению, – кивнула Саттия.

Капитан сел напротив, рядом с ним оказались двое помощников. Сотник гвардии Вилоэн тар-Готиан занял последнее свободное место слева от девушки. Тар-Падиррах щелкнул пальцами, и стоявшие около стен слуги начали разносить блюда.

– Это что, вино? – спросил Гундихар, когда серебряный бокал перед ним оказался наполненным. – Клянусь подмышками Аркуда, пиво было бы куда лучше.

Под холодным взглядом Саттии он немного смутился и замолчал, но при этом вызывающе пожал плечами.

– Давайте выпьем, – сказал капитан, – за посланца Великого Древа, благодаря которому мы сумели спасти вас с проклятого острова.

Бокалы соприкоснулись с мягким звоном, девушка отхлебнула сладкого вина и спросила:

– Как он, кстати?

Странного альтаро она не видела с того момента, как гости очутились на корабле. Судя по тому, что тот не показывался на палубе, можно было заключить, что он также оставался без сознания.

– Не очень, – уклончиво ответил капитан. – Я полагаю, что и ваш спутник не пришел в себя?

– Нет, – вздохнула Саттия.

– А кто он вообще такой? – поинтересовался Вилоэн тар-Готиан. – Понятно, что родан не совсем обычный… Обычный не привлек бы внимания посланца Великого Древа. Ведь так?

– Наверняка. – Саттия подумала, что весь ужин затеян ради того, чтобы их хорошенько расспросить. – Он маг… довольно сильный, насколько я могу судить. Родом с берегов Деарского залива, долго жил в Гюнхене…

– Колдун, каких мало! – влез Гундихар. – Он такие вещи творил, что закачаешься! Сонмы гиппаров повергал!

Девушка глянула на спутника и с неудовольствием обнаружила, что он удивительным образом пьян. Заметила, что рядом с тарелкой гнома стоит кувшин из-под вина и что кувшин этот пуст!

Оставалось только молить всю Великую Бездну разом, чтобы мелющий языком гном не растрепал лишнего.

– Гиппаров? – оживился капитан. – Вы сталкивались с ними?

Лицо одного из помощников отразило смешанное с презрением недоверие, другой откровенно хмыкнул.

– И не раз, – горделиво выпрямился Гундихар. – Вот помню, когда мы выбирались из осады в Терсалиме…

– Эс ун гран инвентадор, вердад?[3] – прошептал Вилоэн тар-Готиан, склонившись к самому уху Саттии.

– Си, кларо,[4] – ответила она, с облегчением думая, что пьяные россказни гнома никто не воспримет всерьез.

А Гундихар продолжал разливаться бородатым соловьем, не забывая время от времени требовать еще вина. Эльфы слушали его с вежливыми улыбками, иногда задавали вопросы, но видно было, что красочные истории фа-Горина не интересуют их совершенно.

Когда принесли десерт – засахаренные фрукты и цветочный мед, – дверь каюты открылась, и вошел сельтаро, в котором Саттия узнала корабельного лекаря. Отвесил общий поклон, а затем прошагал к капитану и сказал что-то ему на ухо. Тар-Падиррах удивленно хмыкнул и заговорил, глядя на девушку:

– Приятная новость для вас, мессана. Ваш спутник пришел в себя. Желаете увидеть его немедленно?

– Да, конечно. – Она встала.

– Я прямо, ха-ха, ринусь к нему и обниму изо всех сил… – пообещал гном, делая попытку выбраться из-за стола. Однако ноги подвели его, и Гундихар едва не свалился физиономией в тарелку.

– Помогите мессену, – велел капитан, – но особенно не спешите. Вдруг ему еще захочется выпить? А мы пойдем посмотрим, что с нашим третьим гостем.

Втроем вышли из каюты, окунулись в темноту, полную свежего ветра, запаха морской соли и смолы. Спустились по скрипучему трапу на два уровня и коротким коридором прошли к каюте, где находился Бенеш.

---

[3] Он большой выдумщик? (*эльф.*)

[4] Да, конечно (*эльф.*).

– Ничему не удивляйтесь и не шумите, – сказал корабельный лекарь, после чего толкнул дверь и вошел.

Здесь тоже горела лампа, установленная на крохотном столике. Тени занимали углы, слегка пошевеливались, когда «Доблесть предков» покачивалась с борта на борт. А на койке лежал Бенеш. Глаза его были открыты, и в них клубился зеленый туман.

Вцепившиеся в край одеяла руки казались тонкими, словно веточки, а лицо ученика Лерака Гюнхенского – чужим, незнакомым.

– Что с ним, корни и листья? – тихо спросила Саттия. – Бенеш, ты слышишь меня?

Молодой маг повернул голову, открыл рот и попытался что-то сказать. Губы задвигались, но ни единого звука не вырвалось из них, и на лице лежавшего возникло изумление.

– Он не может говорить, – сказал корабельный лекарь. – Разучился. И я не знаю, почему такое произошло.

Глаза Бенеша отразили мучительное усилие, он вновь задвигал губами, и по спине Саттии пошел холодок. Зрелище было жутким – человек говорит, но не может произнести ни единого звука.

Молодой маг вскинул руку, словно помогая себе, и пошевелил пальцами. Раздался треск, сочное чавканье, и прямо из переборки, оттуда, куда указывали дрожащие персты, один за другим полезли зеленые побеги. Несколько сразу завяли, но один ухитрился выбросить толстый стебель с розовым цветком на конце.

– Что это… – растерялась девушка. – Что происходит?

– Успокойте его, – приказал капитан, лицо которого осталось невозмутимым, но в глазах появилась тревога. – А мы, мессана, поговорим в коридоре. Незачем тревожить вашего спутника…

Корабельный лекарь вытащил из сумки на поясе небольшой горшочек, забормотал что-то успокаивающее. Тар-Падиррах и Саттия вышли из каюты, и только тут она поняла, что от волнения вспотела, словно постояла на солнцепеке, и что мурашки бегают по всему телу.

– Дело обстоит следующим образом, – сказал капитан. – Есть еще одна новость. Посланец Великого Древа мертв. Точнее, не мертв, а превратился в нечто, более всего похожее на гнилую древесную колоду. Случилось это примерно в то время, когда ваш друг очнулся.

– Гнилая колода?

– Да. Если хотите, можете взглянуть. А способности, которые так неожиданно возникли у вашего друга, ранее принадлежали посланцу Великого Древа. Он мог оживить что угодно, даже самую старую древесину.

– Я не очень хорошо разбираюсь в магии… – проговорила девушка, с ужасом ощущая признаки приближающегося прилива Тьмы – холод в мышцах, исчезновение способности различать цвета.

«Почему так рано в этот раз? – подумала она. – Или теперь это будет приходить всегда, когда я разволнуюсь?»

– Судя по всему, – капитан, похоже, не заметил, что с его собеседницей происходит нечто странное, – ваш друг стал наследником силы посланца Великого Древа, и нам бы хотелось понять – почему.

Саттия боролась из последних сил, пыталась слышать хоть что-то, кроме злобного гула в ушах.

– Тут я вряд ли смогу вам помочь, – сказала она. – До недавнего времени Бенеш был… – тут вспомнились странные сны, что начали терзать молодого мага со времени странствия через Мероэ; чудные события, что происходили с ним уже на Теносе, – обычным роданом, если не считать способностей к магии… А теперь прошу меня извинить, все это очень… странно…

Девушку одолевало желание выпустить бурлившую внутри силу, чтобы превратить корабль сельтаро в груду щепок. Сделать так, чтобы он без следа исчез в темном и бурном море.

Не обращая внимания на удивленный взгляд капитана, она развернулась и зашагала к собственной каюте. Открыла дверь и, не раздеваясь, рухнула на узкую жесткую койку. И только здесь позволила Тьме завладеть собой, провалилась в полное туманных видений беспамятство.

Когда выплыла из него, было утро. В иллюминатор проникали тусклые лучи рассвета, на своей койке Гундихар храпел так, что дрожала борода. Сивушный запах давал понять, что вчера гном основательно набрался, а примесь навозной вони – что забыл оставить обувку снаружи.

В приоткрытый иллюминатор врывался шум волн.

Саттия встала, помассировала нывшие виски и причесалась. Умывшись над тазом, по отражению в зеркальце определила, что выглядит нормально, и после этого выбралась в коридор.

Для начала решила заглянуть к Бенешу, узнать, что с ним.

Дверь негромко скрипнула, в щели показался столик с погашенной лампой и какими-то склянками. Затем девушка услышала шаги, и глазам ее предстала сердитая физиономия корабельного лекаря.

– А, это вы, – сказал он по-эльфийски. – Заходите.

Бенеш спал или просто лежал с закрытыми глазами. Он выглядел почти как раньше, вот только в лице его появилась странная прозрачность, словно верхний слой плоти лишился цвета, стал подобен стеклу. Побеги на переборке казались завядшими, но на потолке красовалась парочка свежих, а в углу торчала настоящая елка, усаженная шишками.

Запах хвои перебивал все остальные.

– Как он? – шепотом спросила Саттия.

– Ничего, – так же ответил лекарь. – Вроде все понимает, но язык его не слушается. И силу свою он пока не…

Бенеш открыл глаза, и на мгновение девушке показалось, что они светятся мягким бело-зеленым огнем. Но видение тут же пропало, а сверху, с палубы, даже скорее с мачты, донесся истошный вопль:

– Корабли!

– Похоже, там неприятности, – сказала Саттия. – Я нужна наверху. Приглядите за ним, ладно?

И, не вслушиваясь в ответ, она выбежала из каюты Бенеша.

Залетела к себе, поспешно схватила лук и принялась вытаскивать из мешочка на поясе тетиву. Когда та заняла свое место, девушка подскочила к Гундихару и как следует врезала кулаком ему в бок.

Гном захрипел, открыл бездумные, в красных прожилках глаза.

– Чего ты… э? – спросил он.

– Вставай, борода, там намечается драка, – ответила Саттия, вслушиваясь в топот на палубе, в резкие команды капитана.

– Гундихар фа-Горин любит драки, только бы вот сейчас… эх, клянусь кулаками Лаина Могучего…

Саттия не стала слушать похмельную болтовню. Она поправила волосы и выбежала в коридор. Спустилась по трапу и увидела, что по палубе мечутся матросы, нахмуренный капитан стоит у мачты, а рядом с ним замер Вилоэн тар-Готиан, облаченный в доспехи и шлем.

– О, мессана, – сказал он с улыбкой, заметив девушку, – вы решили помочь нам? Ваш лук не будет лишним…

– Хотелось бы еще знать, в кого стрелять. – Саттия подошла к сотнику и капитану.

– Вон они. – Вилоэн тар-Готиан указал на север.

Горизонт закрывали облака, белые, точно лебяжий пух. На их фоне выделялась горбатая гора островка, похожего на окаменевшего кита, и силуэты двух галер, что шли наперерез кораблю сельтаро. Видно было, как весла месят поверхность моря, как ветер надувает паруса.

Приглядевшись, девушка различила на них знакомый герб – крылатая рыба и над ней – молот.

– О боги, слуги Тринадцатого… – проговорила она.

– Да? – спросил капитан. – Вот как их зовут? По слухам, это корабли нового хозяина Закатного архипелага.

– Может быть, все обойдется миром? – Вилоэн тар-Готиан козырьком приложил ладонь ко лбу. – Или мы сможем оторваться?

– Ветер слабый, так что шансов нет. А они идут наперерез, и это значит, что собираются атаковать.

– Ладно, – вздохнул сотник. – Сделаем все, что можем.

И он, коротко поклонившись, зашагал к носовой надстройке, в которой обитали воины-сельтаро.

– Где враги? Сейчас я намылю им шеи! – На трапе появился Гундихар, взъерошенный, перекошенный, но с воинственно торчавшей бородой и «годморгоном» в могучей лапище. – Кто эти ублюдки?

– Ты с ними уже сражался, – ответила Саттия. – Вот только боюсь, что намылить шею будет сложно.

Гном засопел, прищурился, но разглядеть, что за суда идут им наперерез, не смог. Различил лишь два ползущих по волнам пятнышка, определил, что это вроде бы галеры, а остальное домыслил.

– Опять эти рожи, – буркнул он недовольно. – В прошлый раз мы с ними намучились. Ох, что сегодня будет…

Из облаков на востоке выглянуло солнце, по волнам побежали золотистые блики. «Доблесть предков» чуть повернула и накренилась, чтобы поймать ветер. Галеры с крылатой рыбой на парусах добавили хода. В тот момент, когда на палубе появился Вилоэн тар-Готиан со своими воинами, над передней из них поднялось облако красноватого дыма. И поползло вперед, все набирая скорость, нацеливаясь на пытающееся уйти от погони судно эльфов.

– Проклятье, – сказал капитан. – У них есть колдун, и они решили одолеть нас магией, не подходя близко…

Тар-Готиан строил воинов на кормовой надстройке. Эльфы готовили к стрельбе ростовые луки, мощные и тяжелые. Из такого при удаче можно пробить таристерский и даже гномий доспех, послать стрелу почти на полмили.

Лук Саттии рядом с ними выглядел игрушкой.

Девушка подумала, не пустить ли в ход силу Тьмы, но после недолгого колебания решила, что обойдется без нее. Справится своими силами, даже в том случае, если придется сражаться за собственную жизнь.

Облако приблизилось, стало ясно, что оно невелико, не больше сарая, и что внутри сверкают белые зарницы.

– Это чего? – недоуменно вопросил Гундихар, когда оно пошло вверх.

Облако коснулось такелажа, раздалось протяжное шипение. По вантам и реям побежали огоньки, а один из парусов начал тлеть. Пламя неспешно двинулось вниз, темный дым потянулся к светлеющим небесам.

– Раны моря! – выругался капитан. – Вот ублюдки!

И он бросился в сторону кормовой надстройки, на ходу выкрикивая команды.

Матрос у штурвала принялся резко его выкручивать. «Доблесть предков» круто накренилась, так что угольки, обрывки тлеющей парусины и горящих канатов полетели за борт.

– Как бы не вышло так, что тут без нас все закончится, ха-ха, – в обычном смешке гнома веселья оказалось не больше, чем в погребальном плаче.

– Они не допустят… – Саттия вцепилась в фальшборт, чтобы не упасть, и глянула вверх, туда, где подобно обезьянам метались по реям матросы и с шелестом скручивались паруса.

– Даже сельтаро не всесильны, клянусь… – Гундихар осекся на полуслове, когда стало понятно, что эльфам удалось почти невозможное. Они смогли сбить пламя на вантах, стащить загоревшийся парус и не допустить распространения пожара.

Но «Доблесть предков» при этом потеряла ход, и галеры преследователей значительно приблизились. Стали видны разноплеменные воины в белых плащах, надрывавшиеся гребцы.

– Они попробуют еще, – сказала Саттия, разглядев, как на корме передней галеры один из гребцов принялся снимать с себя рубаху.

Она могла точно предсказать, что будет дальше: нож вонзится в грудь, затрепещет на ладони вырванное сердце жертвы, и жрец Тринадцатого обратит полученную силу в разрушительное заклинание.

Услышав шаги, девушка обернулась. И с удивлением обнаружила, что по трапу с кормовой надстройки спускается Бенеш.

Он шел медленно, но уверенно, а позади топал мрачный корабельный лекарь.

– Я не смог его удержать, – принялся он оправдываться, – он не стал меня слушать…

– Ха, это же наш колдовской друг! – рявкнул Гундихар так, что Саттия поморщилась. – Решил умереть не в постели, а в бою, как мужчина? Славно. А я как раз одну историю про магов вспомнил. Приходит чародей домой, а…

– Стой, – торопливо вмешалась девушка. – Не хватало еще, чтобы ты его байками уморил. Да и не до них сейчас.

Над передней галерой опять взвилось облако багрового дыма. Затанцевали его струи, сложились в некое подобие исполинского кулака. Тар-Готиан отдал команду, и захлопали спущенные тетивы. Стрелы, длинные и белоперые, отправились в полет. Почти все угодили в цель, раздались крики боли. Кое-кто из гребцов упал с лавки, загрохотали столкнувшиеся весла, один из воинов в белом плаще даже вылетел за борт.

Но облаку дыма стрелы вреда не причинили, они просто пролетели сквозь него.

– Ляжки Регина! – выругался гном. – И что делать?

«Доблесть предков» сменила курс, норовя уйти от магической атаки, и Саттия с трудом удержалась на ногах. Гундихар даже не пошатнулся, а вот Бенеш шлепнулся на задницу.

На лице его отразилось удивление.

– Эх, как же так? – забормотал корабельный лекарь, помогая юноше подняться. – Слушайте, у меня сейчас будет очень много работы. Вы…

– Мы присмотрим за ним, – торопливо сказала Саттия. – Бенеш, иди сюда.

Но молодой маг словно ее вовсе не услышал. Он поднялся на ноги и замер, глядя на облако красного дыма, до которого осталось не больше сотни локтей. Корабельный лекарь, на ходу бурча что-то, бросился к носовой надстройке, куда начали спускать обожженных матросов.

– Ползет, зараза, точно клоп к жратве, – высказался гном. – Бенеш, ты можешь с ним что-то сделать?

Сельтаро дали второй залп, но на этот раз стрелы встретила невидимая стена. Колдун с галеры потратил часть сил, чтобы поставить защиту. Бенеш медленно, будто преодолевая сопротивление, поднял руки и сделал резкое, сложное движение. Словно завязал в узел очень толстую веревку.

Облако дыма заколебалось, затряслось, как попавший в ловушку хищник, и со зловещим рокотом принялось таять. В последнем усилии его ошметки рванули вперед. Сгинули без следа, но последний саданул в борт так, что затрещали доски, а корабль покачнулся.

– Ура! – завопил Гундихар.

С надстроек долетели радостные крики сельтаро, но Саттия покачала головой.

Вместе с прочими способностями Хранителя Тьмы она приобрела и умение ощущать магию, чуять ее разновидности.

Когда ученик Лерака Гюнхенского колдовал на Теносе, все было просто и ясно. Девушка могла понять, как он применяет свою силу, рисуя знаки Истинного Алфавита и изменяя мир тем способом, что лучше всего подходит для чародеев-людей.

Сейчас же Бенеш сотворил нечто такое, что магией вообще не являлось. Нечто очень странное, похожее скорее на стихийное волшебство геданов, но намного более могучее и невероятно изощренное.

Он словно заставил заклинание в облаке дыма убить само себя.

– Надерем задницы этим уродам! – Гундихар запрыгал, замахал «годморгоном». – А, Бенеш, чего ты молчишь?

Молодой маг не ответил. Он захрустел пальцами, и, глянув на него, Саттия подумала, что только эта привычка и осталась в рыжем конопатом юнце от того растерянного парня, которого они с Оленом защищали от таристеров из Темного корпуса.

– Он не может разговаривать, – сказала она.

Лицо гнома вытянулось, синие глаза недоуменно блеснули.

– Ах, вот какая штука… – пробормотал он мрачно. – Это после встречи с тем альтаро?

Бенеш ничем не показал, что слышит этот разговор. Он подошел к борту и уставился на ближайшую галеру. Сначала не произошло ничего, а потом до корабля сельтаро донесся слитный вопль ужаса. Приглядевшись, Саттия почувствовала, как волосы у нее на затылке начинают шевелиться.

Из весел, из досок бортов и палубы, отовсюду на галере вырастали свежие зеленые ветви. Мачта шаталась, с реи свисали побеги плюща, и щиты в руках воинов становились похожи на маленькие кусты.

Бенеш оживил все до единого куски дерева на корабле поклонников Тринадцатого. Заставил их вспомнить, чем они когда-то были, и заново пуститься в рост. И вновь без малейшего следа обычной магии.

– О боги, – сказала Саттия, думая, какое чудовищное количество силы надо для такого волшебства, какое нужно изощренное умение.

Откуда и то и другое у молодого, пусть даже талантливого колдуна? Неужели на самом деле от посланца Великого Древа?

– Она разваливается, разваливается! – завопил Гундихар.

Сила жизни, проснувшаяся в досках и брусьях, буквально разорвала галеру на части. В стороны полетели гвозди и скрепы, мачта накренилась. Только что бывшее единым целым судно стало набором кусков дерева.

Поклонники Тринадцатого оказались в воде. Те, кто был в доспехах, сразу пошли ко дну. Кое-кто ухитрился схватиться за бревна и доски, и волны принялись швырять тела родан, точно котенок – игрушку.

– Так им и надо! – Гном показал здоровенный кулак и пробормотал что-то на наречии горного народа.

Скорее всего, нечто очень неприличное.

А Бенеш обратил внимание на вторую галеру. Там заподозрили неладное и попытались свернуть. С кормы потекли струи багрового дыма, но под взглядом мага начали бессильно таять.

Потом судно с крылатой рыбой на парусе резко потеряло ход. От обшивки стали отваливаться доски, с выстреливших из палубы побегов полетели зеленые листья. Вскоре все оказалось кончено, и море жадно бурлило, поглощая невезучих гребцов и воинов.

Саттия со страхом посмотрела на Бенеша.

Молодой маг стоял у фальшборта спокойный, даже равнодушный, словно не он только что уничтожил две боевые галеры. И сделал это с такой легкостью, с какой хозяйка давит зазевавшихся тараканов.

А потом девушка услышала шорох шагов и удивленное восклицание Гундихара.

Она обернулась.

Сельтаро, не отводя глаз от Бенеша, подходили к нему мелкими шажками. Тут были все – моряки, капитан, лучники тар-Готиана и он сам. Лица всех без исключения отражали восторг и благоговение.

– Чего это они? – спросил гном и нервно дернул себя за бороду.

Саттия не ответила.

Первым опустился на одно колено капитан, склонил голову так, что заплетенные в косички льняные волосы упали ему на лицо. За ним на палубу стали опускаться матросы и воины, немного помедлил лишь сотник.

– Посланец Великого Древа, – шептали эльфы, не поднимая глаз.

– Это они что, молятся? – Глаза у Гундихара стали как у глубоководной рыбы, что впервые увидела берег. – И кому? Бенешу?

– Если я все правильно понимаю, он теперь не просто Бенеш, – проговорила Саттия задумчиво.

– А кто?

– Боюсь, что ответа на этот вопрос не знают сами Двуединые Братья.

На вставших на колени эльфов Бенеш не обратил никакого внимания. Даже не поглядел на них. Он развернулся и неспешно побрел в сторону кормовой надстройки.

– За ним, – приказал капитан, и лекарь немедленно сорвался с места. – Следи, чтобы ни волоска не упало с его головы!

А затем, повернувшись к Саттии, добавил, перейдя на язык людей:

– А вас, мессен и мессана, приглашаю позавтракать у меня. Думаю, нам есть что обсудить.

Девушка и гном уныло переглянулись.

– Пошли, чего уж там, – сказал Гундихар, – глядишь, хотя бы похмелюсь.

Третий Гринч-Нас проснулся, как обычно, перед рассветом. Полежал немного в блаженной полудреме, наслаждаясь последними мгновениями покоя. А потом встал и отправился будить домашних. Надо успеть, чтобы к тому моменту, когда край солнца покажется над горизонтом, в доме все читали первую молитву дня.

Солнца на Калносе из-за висевшего над островом тумана не видели много месяцев. Но жрецы Господина, как было велено называть бывшего князя, непонятно как ощущали восход и узнавали, если кто пропускал его.

Провинившихся ждало суровое наказание.

Вообще жизнь Третьего Гринч-Наса, скромного хозяина таверны «Морская крыса», в последнее время резко изменилась. Хотя, честно говоря, перемены коснулись большинства островитян. Начались с того дня, как на Слатебовом холме возник огромный храм с тринадцатью шпилями на крыше, и привели к тому, что жители Калноса начали шептать, что их правитель лишился разума.

Шептать очень тихо, чтобы не сгинуть в недрах того самого храма.

После восстания городской стражи, когда погибло много славных гоблинов, князь резко изменился. Он под угрозой смертной казни запретил моления богам Алиона. Старые храмы были разрушены, жрецы исчезли. По слухам, князь принес их в жертву себе.

С этого же времени повелел звать его Господином.

Править Калносом стали чужаки из тех, что строили храм. Опытные капитаны отправились на безумную войну со всем Архипелагом. Из мужчин остались жрецы Господина, что научили обитателей острова новым молитвам, и те, кто не годился для войны.

В том числе и Третий Гринч-Нас.

Стритон, некогда шумный и полный жизни город, опустел. Тоска и страх поселились на его улицах.

Война, к всеобщему удивлению, оказалась успешной. По слухам, храмы Господина появились на всех островах, принадлежащих гоблинам, и рати, шедшие в бой под флагами с Молотом и Крылатой Рыбой, высадились на кусках суши, занятых людьми.

Могущество вольных князей Закатного архипелага пало.

На Калнос начали один за другим приходить груженные добычей корабли. В таверну Третьего Гринч-Наса стали заходить матросы и воины, желавшие забыть о тяготах войны. Не все из них были гоблинами, многие плохо говорили на западном наречии.

Но про это можно было забыть, учитывая, что новые клиенты платили золотом.

Кое-кто из соседей Гринч-Наса принялся намекать, что новый князь не так уж плох. Что давно пора навести порядок в Архипелаге и как следует отстроить Стритон.

Но хозяин «Морской крысы» видел, что победители заливают вином тоску, что веселье их натужно, а глаза полны беспокойства. Да и ночные кошмары, что одолевали жителей Калноса, никуда не делись. И чудный туман, и огонь в громадной туше Искрия, извержения которого сотрясали весь остров.

Сегодня, в седьмой день первого весеннего месяца, называемого среди островных гоблинов Ветром Утра, Третий Гринч-Нас успел до восхода поднять всех: жену, двоих детей, слугу, что помогал в таверне. Зевая, они выбрались на террасу и опустились на колени.

– Слава Господину, что оберегает нас во мраке, слава Тринадцатому… – начал Гринч-Нас, стараясь не сбиться.

Кто знает – вдруг именно у их дома сегодня дежурят жрецы хозяина острова?

Прочитав молитву, Третий Гринч-Нас отправил детей умываться, а сам пошел в таверну – разжигать печку, чтобы греть нол и готовить сдобные лепешки карван. Но не успел взять заранее приготовленную вязанку дров, как небо породило жуткий грохот.

Привычный к извержениям Искрия Гринч-Нас спешно выскочил на улицу. И с удивлением обнаружил, что вулкан тут ни при чем.

Над его окутанной облаками вершиной не полыхало пламя. Зато в вышине неспешно кружили огромные крылатые тени, напоминавшие ящериц. Только эти ящерицы были длиной в сотню локтей и умели дышать огнем.

– В дом! – рявкнул Третий Гринч-Нас на выскочивших следом за ним детей. – Быстро!

Через мгновение он остался на улице один.

Одна из крылатых теней снизилась и пролетела над гаванью. Поднятый громадными крыльями ветер заставил качнуться стоявшие у причалов суда, берег лизнула волна. Хозяин

«Морской крысы» увидел брюхо, покрытое золотистой чешуей, прижатые к нему лапы, длинный хвост. Разглядел горевшие гневом прозрачные глаза на уродливой голове.

Сам не заметил, как вывернул шею, наблюдая за полетом дракона.

А тот метнулся туда, где прятался в сползавших по склонам Искрия облаках замок Господина, и утренний сумрак прорезала струя бело-багрового пламени. Раздался треск, вверх пополз дым.

– Помилуй нас великие бо… Господин, – пробормотал Третий Гринч-Нас, напрягая разум в попытке сообразить, что ему делать.

Драконы, верные слуги хозяев Небесного Чертога, кружат над Калносом? Так что, деяния того, кто правит ныне островом и большей частью Архипелага, переполнили чашу терпения богов? Но кто же он такой, этот Господин, что ради него Анхил и Афиас повели в бой крылатых ящеров, верных своих союзников со времен еще Войн Творения, которых не помнят даже эльфы?

Неужели правы те, кто называют его Тринадцатым и считают богом, сородичем тех, кто управляет Алионом?

– Помилуй нас… – повторил Третий Гринч-Нас, но на этот раз не довел фразу даже до середины.

С моря подул сильный ровный ветер, словно кто-то заработал огромными мехами. Пряди тумана, клубившегося над Стритоном почти полгода, заколебались и поползли в стороны. Зрак взошедшего над горизонтом солнца засиял с внезапной силой, розовые лучи осветили берег, вырвали из мглы тринадцать шпилей храма на Слатебовом холме. Хозяин «Морской крысы» невольно прищурился.

А драконы, кружившиеся в вышине словно стая ласточек, спикировали вниз.

В глотках их зарокотало пламя, и огненные языки потянулись к земле, к храму и замку.

– Молиться! Всем немедленно молиться! – донесся издалека визгливый голос, затем раздались торопливые шаги.

По улице, сипя и припадая на одну ногу, бежал один из служителей Господина в шапке с раздвоенным верхом. За ним топали сапогами воины в белых плащах, вышитая на них Крылатая Рыба казалась живой.

Глаз ее, по крайней мере, смотрел осмысленно.

– Ты чего замер? – рявкнул служитель, увидев Гринч-Наса. – Немедленно на колени и читать молитвы! Только Господин сможет защитить нас от врагов, что пришли обратить Калнос в пепел!

– Да, да, конечно… – пробормотал хозяин таверны, с трудом отводя взгляд от храма, на крышу которого обрушивались настоящие водопады пламени, после чего спешно убежал в дом.

Вскоре оттуда донесся мерный речитатив молитвы:

– Содрогнется небо, и земля сотрясется, когда вернется Он! Истина восторжествует! Истина! Истина! Справедливость вернется! Вернется!..

Что дальше происходило в небе над Стритоном, Третий Гринч-Нас не видел.

Служитель Господина, сопровождаемый гвардейцами, бежал дальше, и голос его заставлял вздрагивать мирных граждан. Они поспешно бросали дела, падали на колени и начинали читать молитвы. Такие же жрецы обходили сейчас все, даже самые отдаленные районы города и ближайшие деревушки.

В стенах храма затеяли молебен, запылало масло в огромных каменных чашах. К белому жертвеннику стали подводить обреченных стать жертвами пленников – гоблинов и людей.

Их на Калносе после успешных походов имелось достаточно.

Замок после атаки драконов превратился в груду оплавленных, закопченных камней. На том месте, где высились стены и гордые башни, остались горелые руины, пахнущие пеплом и кровью. Из тех, кто был в его пределах, выжили очень немногие.

Сейчас они во все лопатки удирали прочь.

А храм держался. Огонь, способный проплавлять скалы, только лизал купол крыши. Бессильно стекал по алому, цвета свежей крови фронтону, тыкался в узкие световые окошки, похожие на бойницы, но проникнуть внутрь не мог. И небо рвал бешеный рев драконов.

Летучие ящеры, серебристые, золотистые и серые, точно песок на приморских пляжах, танцевали в воздухе замысловатый танец. Терзали крыльями колдовской туман, отступавший под напором ветра с моря и яростно пылавшего солнца.

Со Стритона словно медленно стягивали толстое одеяло. Обнажались крыши, улочки с тенями, навеки, как казалось, прилипшими к стенам. Блестели капли воды на мостовой.

А затем весь остров дрогнул, и над ним одна за другой появились исполинские полупрозрачные фигуры. Первым из жерла Искрия выбрался некто темный и тучный, увенчанный золотой короной. Затем в вышине закружился белый аист, а рядом с ним – сокол, с чьих крыльев срывались фиолетовые молнии.

Громадная женская фигура встала из моря, блеснула чешуя, открылся рот, полный акульих зубов. Вторая поднялась над сушей, раскинула руки, будто норовя обнять остров, и басовитое жужжание поплыло над Калносом.

Боги пришли в Закатный архипелаг, отважились на частичное воплощение.

Неслышимый обычным смертным хруст, похожий на тот, что издает грызущий дерево жук, дал понять, что для Алиона это не прошло просто так. Плоть мира загудела, натянулась до предела.

И драконы, получившие новый приказ, рванулись вниз.

Открылись десятки пастей, способных вместить лошадь, и на храм с тринадцатью шпилями обрушился настоящий вал огня. На мгновение здание пропало целиком, остался пузырь бурлящего бело-желтого пламени, от которого летели искры. Вспыхнули росшие неподалеку эвкалипты, подобно огромным свечам, отмечавшим грандиозное приношение богам.

Начала плавиться и кипеть земля, и трава превратилась в пепел.

А затем прозвучал смех, чистый и искренний.

Его услышали все жители Стритона, и сердца их наполнились страхом. Ибо так смеяться может лишь тот, для кого жизнь родана – всего лишь мелочь, не стоящая даже упоминания.

– Явились! – воскликнул голос, могучий, как все трубы Алиона. – Пришли посмотреть? Ну, так смотрите!

Пузырь из огня лопнул, разлетелся тысячами клочьев. Вновь открылся храм, местами покрытый черными пятнами, но все еще целый. И на его крыше появился некто огромный, похожий на гоблина, в длинном белом плаще с вышитым на нем созвездием Молота.

Могучая рука поднялась, и один из драконов полетел прочь, сбитый на лету, словно птица.

– Ха-ха! Получил? – рассмеялся тот, кто стоял на крыше храма, и глаза его загорелись багровыми звездами.

Так ярко, что на мгновение затмили даже свет солнца.

Дракон три раза перекувырнулся в воздухе и с плеском упал в море далеко от берега. Его собратья поначалу шарахнулись в стороны, а потом дружно бросились на Господина.

– И вы получите! – рявкнул он, поднимая кулаки размером с телегу. – Никто не уйдет обиженным!

На ударивший в лицо поток пламени он не обратил внимания, словно это был теплый ветер. Стремительным ударом сшиб еще одного дракона, большого и серого. Летающий ящер шлепнулся в порту, разломал на части один из кораблей, сбил мачты другого и ушел под воду.

Третий улетел к самому Искрию, где сумел выровнять полет, и отправился обратно к месту битвы, но очень медленно и осторожно.

– Все получат! – продолжал выкрикивать Тринадцатый, отмахиваясь от драконов, как от мух. – Где вы сами?! Что же смотрите, подобно трусам? Или кишка тонка, чтобы вступить в бой?

Раздавались звучные шлепки, когда его кулак врезáлся в тело очередного ящера. Крылатых исполинов отшвыривало, сердитый рев звучал не переставая, в небо уходили огненные шары и струи пламени. Некоторые попадали в цель, и тогда Господин морщился, как от боли.

Но его темно-красная кожа оставалась чистой, а одежда и не думала тлеть.

– Трусы! Идите сюда! – Исполинский золотой дракон врезался в один из домов в центре Стритона. Стены пошатнулись, донеслись крики перепуганных жителей. – Что же вы? А, боитесь?

Замершая рядом с Искрием Селита, похожая на еще одну гору, слегка качнулась. Повелитель Глубин, явившийся из жерла вулкана, остался недвижим, только ярче засияла его корона. Белый аист Анхила, Владыки Небес, спустился ниже, а сокол Акрата пропал в яркой вспышке.

Зато к северу от города, рядом с тем местом, где из моря поднималась Сифорна, его хозяйка, проявились очертания фигуры исполинского волка. Он зарычал, и красное пламя вспыхнуло среди белых зубов.

Неистовый, Ревущий, Сеющий Войну ступил на Калнос.

– Тише, брат! – донесся сверху неслышный для смертных голос Владыки Неба. – Он того и хочет! Алион не выдержит нового Нисхождения, лопнет, точно переспелый плод, и мы не сможем сохранить его!

Волк-Азевр зарычал сильнее, но его тело заколебалось, сделалось более прозрачным.

– Прячете трусость за красивыми словами! – Тринадцатый покачнулся, когда трое драконов атаковали его спереди. С трудом устоял на ногах. – Это вам не поможет! Убегайте, спасайтесь, пока есть возможность!

Сбитые им драконы вновь поднимались в воздух. Но летели медленно, крылья слушались их плохо, и огонь вырывался из глоток не сокрушающим потоком, а жалким ручьем. В рычании ящеров было больше боли и раздражения, чем гнева и ярости.

– Бегите! – вновь закричал хозяин Калноса. – Вы не в силах сделать со мной ничего! И ваши жалкие твари тоже!

Видно было, что он блефует – пламя кое-где добралось до плоти Тринадцатого.

Но боги неожиданно замерли. Опустила руки Селита, озадаченное выражение возникло на лице Сифорны. Затихло алчное пламя в пасти Азевра, и священный аист Анхила замедлил полет.

Зато ярче засиял солнечный диск, глаз Афиаса, что видит все, творящееся под небесами.

– Прорыв, братья! Прорыв! – зазвучал его встревоженный голос. – Посланцы ломают оболочку Алиона!

Первым исчез Азевр, небеса поглотили своего повелителя. Ушла в землю ее хозяйка, Аркуд нырнул в жерло Искрия. Сифорна досадливо качнула головой, и ее чешуйчатое тело скрылось в волнах. Атаковавшие Тринадцатого драконы начали подниматься выше.

Образовав клин наподобие журавлиного, они заработали крыльями и двинулись на северо-восток.

– Бегите, жалкие трусы, – проговорил Господин с крыши храма, и голос его прозвучал жалобным шепотом.

А затем пропал и он.

Отступивший в самые темные ложбины, в укромные переулки и под сень деревьев туман зашевелился. Его серые языки начали пухнуть, поползли обратно, захватывая улицу за улицей. Вокруг вершины вулкана появились облака, потекли по его склонам, закрывая остров от взгляда небес.

Вскоре Калнос вновь оказался окутан непроницаемым для взгляда пологом.

Глава 4
Гости

Седьмой день двигались Олен и Харальд по пустыне, и шестой – в компании Тридцать Седьмого.

Путешествовать с ним было гораздо легче. Сиран умел смирять жар свирепого в этих местах солнца, и над путниками будто всегда плыло незаметное для взгляда облако. Отыскивал под толщей песков источники и безошибочно находил редкие оазисы. Он не нуждался в сне и поэтому всегда сторожил ночью, отгоняя скорпионов и иных опасных тварей.

Кроме того, благодаря его помощи они шли гораздо быстрее, чем обычно.

Выглядело это почти так же, как Злой Скок, умение народа кивагор, которым Рендалл и его спутники воспользовались в мире Вейхорна. То есть они просто шагали, перебираясь с бархана на бархан, сапоги по лодыжки погружались в песок, оставались позади четыре цепочки следов.

Но при этом проходили десятки и десятки миль.

Причем выяснилось это случайно, когда Олен заметил на горизонте развалины вроде тех, в которых они провели первую ночь в Алионе. Но не успел глазом моргнуть, как они исчезли.

Спрошенный о причинах этого сиран ответил, что слегка «помогает» спутникам идти быстрее. Как именно – объяснить не смог или не захотел, сообщил только, что ему это совершенно не сложно.

За проведенные рядом с людьми дни Тридцать Седьмой гораздо лучше стал говорить с помощью звуков, хотя по-прежнему предпочитал молчать. Тело его куда больше стало напоминать человеческое, а точнее – сиранское, как оно выглядело до магического преображения.

На голове возникла серебристо-белая чешуя, на пальцах – острые когти, вырос короткий хвост. Появилась кожа, сероватая и плотная, и только глаза остались клубками оранжевого пламени.

И иногда Тридцать Седьмой не отказывал себе в удовольствии сменить облик.

Вот и сегодня утром, когда люди проснулись, он напоминал спутанный ком бурых водорослей.

– Ничего себе красавец, – сказал Олен. – И как ты собираешься путешествовать? Лететь или катиться?

Сиран ничего не ответил, а из сплетения коричневых лент выдвинулись две черные суставчатые «палки». Настороженно глядевший на Тридцать Седьмого оцилан озадаченно мяукнул и на всякий случай отошел.

– Это ноги, – пояснил Харальд. – Осталось еще крылья вырастить, и будет совсем хорошо.

Поскольку эту ночь они провели в песках, на завтрак были финики, собранные вчера в оазисе. С едой в пустыне дело обстояло не очень хорошо, и тут даже Тридцать Седьмой не мог ничего изменить.

Зато в черном кувшине вдосталь имелось свежей и холодной воды.

– Финики будешь? – спросил Олен Рыжего, демонстрируя коту липкие сладкие плоды. – Больше ничего все равно нет.

Оцилан подергал шкурой на спине и с надменным видом отвернулся. Судя по довольной морде, ночью он успел сходить на охоту, и не просто так. Сожрал ящерицу или змею.

– Идем. – Сиран поднялся на суставчатые ноги, слегка качнулся. – Иначе скоро будет жарко.

Рендалл глянул на восток, где готовилось взойти солнце, и печально вздохнул. Пустыня, честно говоря, быстро надоела, хотелось вернуться в родные места, увидеть знакомые леса, могучий Дейн. Ну а в самом лучшем случае – встретить Саттию и всех остальных.

Арон-Тиса, Гундихара, Бенеша…

Но об этом оставалось только мечтать и месить ногами песок, желтый и мелкий. Когда поднимался ветер, вершины барханов начинали «куриться», а песок – лезть в глаза, оседать на коже и забираться под одежду. Он скрипел на зубах, лежал во всех карманах, был всюду.

Шли всегда в одном и том же порядке: впереди Тридцать Седьмой с прилипшим к спине кувшином, за ним Олен с Харальдом и позади всех мрачный Рыжий, которому его роскошная шуба в пустыне больше мешала. Коту было жарко, а на шерсти оседали песок и пыль.

Вид у оцилана был такой, словно его долго катали по земле.

Не изменили обычному порядку и сегодня, но едва успели двинуться в путь, как сиран остановился. Из «кома водорослей» превратился в «кочан капусты» того же размера, затем принял человекоподобное обличье и заговорил:

– Что-то не так… я чувствую… сама плоть мира трясется и трещит… нечто происходит очень странное…

Только тут Олен обратил внимание, что меч на его бедре испускает холод, жгущий кожу даже сквозь ножны и ткань штанов. Когда глянул вверх, на мгновение показалось, что по небу бегут черные тонкие трещины.

– А по мне все как обычно, – сказал Харальд. – Песок, жара и сушь. Чего в этом может быть странного? Хотя…

Он отступил на шаг, и меч оказался в руке странника по мирам.

Порыв ветра принес такое зловоние, словно явился прямиком из выгребной ямы. Посреди зноя пустыни повеяло леденящим холодом, и перед людьми возникли высокие колышущиеся фигуры, сотканные из тумана и снежного крошева. Белым огнем загорелись огромные глаза.

– Клянусь Селитой… – пробормотал Олен.

На этот раз он узнал посланцев Нижней Стороны мгновенно, да они и не прятали своей сущности.

– Это кто? – спросил Харальд, не поворачивая головы.

– Скорее всего – враги, – ответил Рендалл, вспоминая орочий поселок у истока реки Стоги и схватку с одним-единственным посланцем, которая закончилась благополучно лишь потому, что в нее вмешались драконы.

Глупо рассчитывать, что они помогут еще раз.

Всего гостей из-за пределов Алиона оказалось пятеро, и они загородили дорогу, встав на барханах туманными столбами.

– Человек… – провыл-прошептал самый высокий, чью «голову» венчала корона из синего льда, – готов ли ты смириться со своей судьбой? Готов ли принять силу, что суждена тебе по праву?

– Я все сказал вашему белоглазому приятелю, – решительно заявил Олен. – Или он к вам не вернулся?

Самый высокий гость дрогнул, посыпались снежинки, а песок начал покрываться инеем. Его сородичи заколыхались, затряслись, словно деревья на сильном ветру, полное злобы бормотание заглушило свист ветра.

– Тот, кто приходит следом, всегда сильнее, – прозвучал холодный голос. – Подумай еще раз, человек. Мы предлагаем тебе могущество и власть…

– На разоренном огрызке родного мира? – Олен покачал головой. – Нет. И если надо, я готов вернуть ваш подарок.

Он расстегнул пряжку и принялся снимать ремень, на котором висели ножны с мечом из кости йотуна. Руки занемели, точно скованные сильным морозом, сам клинок потяжелел, словно в ножны залили свинец.

– Это уже ничего не решает, – проговорил высокий посланец, и за его спиной развернулись туманные крылья. По ним забегали синие и белые звездочки. – Ты сам выбрал. И у выбора твоего есть имя – смерть.

Крылья выпустили и остальные гости, вперед потянулись громадные лапы, из пальцев принялись расти острые когти, похожие на серпы. Олен наконец справился с собственным ремнем, и тот упал на песок. Прозвучало звяканье, какое издает сломанная сосулька.

– Похоже, что и в самом деле враги, – проговорил Харальд и ударил по лапе самого шустрого гостя.

Только быстрота позволила ему уйти от ответной атаки. Срубленный коготь истаял голубым дымом, а кулак изо льда врезался в то место, где только что стоял Харальд. Гость испустил свистящий рев.

Гневно завопивший Рыжий принялся увеличиваться в размерах, по шерсти его побежали золотые искорки.

– Получите! – Олен вскинул руку с Сердцем Пламени, или, скорее, это оно вздернуло его кисть вверх.

Перстень, заключающий в себе силу Первородного Огня, почуял исконных врагов и сам поспешил вступить в бой. Кольцо из красноватого металла выбросило сноп пламени цвета свежей крови. Тот ударил в ближайшего гостя, окутал его высокую раскоряченную фигуру.

Раздалось клокотание, перешедшее в шипение.

Огонь исчез, посланец Нижней Стороны обнаружился на том же месте. В плоти его появились черные дыры, из которых вытекало нечто белесое, похожее на овсяную кашу, а крылья стали напоминать драные простыни.

Олен пошатнулся, заскрипел зубами, отгоняя приступ слабости.

– Получите… – повторил он, и второй пламенный клинок врезался в самого высокого из гостей.

Тот выставил огромные ладони, словно щит, и пламя заклокотало, пытаясь одолеть его. В этот раз перед глазами у Рендалла потемнело, ослабевшие колени подогнулись, и он испугался, что упадет. Невероятным напряжением сил и воли ухитрился остаться на ногах.

Когда немного пришел в себя, обнаружил, что Рыжий изловчился вцепиться в крыло одному из врагов и что тот пытается сбросить оцилана. Харальд без тени сомнения напал на посланцев и отвлек на себя внимание двоих. Четвертый, пострадавший от огня, стоял неподвижно, зато главный неспешно двинулся к Олену, и белые глаза его зловеще пылали.

Забытый всеми Тридцать Седьмой замер чуть в стороне, и фигуру его окутывало желтое сияние.

– Иди сюда, зараза ледяная, – процедил Рендалл, думая, на сколько магических ударов хватит сил.

Рука с Сердцем Пламени дрожала, пот капал с бровей, кровь судорожно толкалась в виски.

– Умри! – Вместе с холодным шепотом сверху обрушился удар ледяной плети, и Рендалл едва успел нанести встречный.

Синевато-белый и оранжевый потоки встретились, раздался грохот. В стороны полетели капли кипящей воды. Сосулька ударила Олена по лбу, вторая, длиной в руку, воткнулась в песок у его ног. Взвилось облако пара, мгновенно затянувшего все окрестности.

И тут уроженец Заячьего Скока не выдержал, отступил на шаг, а потом осел на песок.

– Мяу! – донеслось из клубов пара, и в вопле этом прозвучала готовность биться до последнего.

Пар начал рассеиваться, стало видно, что высокий посланец стоит на прежнем месте. Рендалл зашевелился, пытаясь встать на ноги, чтобы хотя бы встретить смерть достойно…

От того места, где стоял сиран, ударил настоящий фонтан радужного огня. Легко прорезал клубы пара, поднялся к белесому выгоревшему небу пустыни, на миг замер, а потом обрушился вниз многоцветными каплями. И каждая в полете начала меняться, выпускать отростки, щупальца и конечности. Выдавливать из себя глаза, крылья и все прочее, чем только могут похвастаться живые существа…

С неба падали сородичи Тридцать Седьмого, и каждый пылал подобно метеору.

– Умри! – прорычал главный посланец Нижней Стороны и нанес новый удар.

– Нет уж… – Олен перекатился, не обращая внимания на то, что колючий песок забрался под одежду, попал в рот.

Там, где только что лежал, возникла яма глубиной в пару локтей, и стенки ее покрылись толстой коркой льда. Рендалл вскочил, краем глаза заметил движение и только успел поднять руку…

Чудовищной силы удар просто смел его, словно таран – загородку из тонких досок. Боль стегнула от правого плеча до бедра. Перед глазами мелькнула желтая шкура бархана, истоптанная громадными ножищами. А затем уроженец Заячьего Скока головой врезался в песок.

Рот наполнился кровью, показалось, что зашатались все до единого зубы. В голове загудело, словно в огромном котле, в который уронили горсть металлических шариков. В спине что-то хрустнуло.

– Врешь, не возьмешь… – Шатаясь, как пьяный, Олен поднялся и попытался понять, что творится вокруг. Из-за клубов пара, а также из-за того, что перед глазами все танцевало, сделать это оказалось непросто.

Двигались смутные фигуры гостей, колыхались их крылья. Доносился сердитый рык, и сверху падали сираны. Там, где приземлялся каждый из них, вздымался гейзер из света, белого, лимонного или светло-оранжевого. Змеились бившие вдоль земли молнии, сковавший барханы лед таял с монотонным журчанием.

А затем пар немного рассеялся, и Рендалл с радостью и удивлением обнаружил, что уроженцы пустыни сцепились с посланцами Нижней Стороны. Харальд оказался жив, как и Рыжий.

Сразу несколько сиранов атаковали того из гостей, что пострадал от огня Сердца Пламени. Под ударами огненных струй он разлетелся на туманные ошметки, попытался собраться вновь, но ему не дали. Вспыхнул огонь, такой горячий, что жар расползся на сотни локтей в стороны.

Тонкий пронзительный визг поднялся к небесам и стих.

– Один готов, – сказал Олен, понимая, что сил у него не осталось вовсе и что в этой схватке он может быть только наблюдателем.

Оставшиеся посланцы потеряли всякое сходство с роданами, превратились в столбы из снежного крошева. Хлестнул ледяной ветер, замерцало бирюзовое свечение. Харальд ловко отскочил в сторону, метнулся прочь задравший хвост оцилан. Но Тридцать Седьмой и его сородичи и не подумали отступать.

Они меняли облик, оборачивались огнем, чудовищами и струями дыма. И при этом, не переставая, терзали гостей, хватали их зубами, рвали когтями, обжигали и даже били кулаками.

Атаки не производили особого эффекта, но сами гости с Нижней Стороны пока не могли причинить какого-либо ущерба сиранам. Хлещущие плети метели и уколы ледяных

шипов ничем не вредили существам, не имевшим плотного материального тела, и только отбрасывали их в стороны.

А те кидались и кидались заново с упорством защищающих улей пчел.

– Живой? – спросил подбежавший к Олену Харальд, зеленые глаза его возбужденно блеснули.

– Сам в этом не уверен, – отозвался Рендалл.

– А зачем ты бросил клинок? Он бы пригодился.

– Вот это вряд ли. Сила меча сродни этим монстрам, и он для них не более опасен, чем веточка ивы.

– А жаль. – Харальд вздохнул, поудобнее перехватил оружие. – Я бы нашим помог, да не знаю – чем.

В этот момент один из сиранов лопнул, превратился в облако разноцветных искр. Они разлетелись в стороны, оплавляя песок, прорезая заполненный снежинками и паром воздух.

Но порадоваться успеху посланцы не смогли. Сородичи Тридцать Седьмого навалились на одного из них, облепили так, что тело снежного смерча исчезло из виду. Послышался рокот, какой издает готовящийся к извержению вулкан, барханы дрогнули, зашевелились.

– Ого… – проговорил Харальд. – Честно говоря, что-то мне подсказывает – лучше лечь.

Олен с облегчением упал, рядом проявился из невидимости Рыжий, уши его были прижаты к голове, а хвост нервно дрожал.

Громыхнуло, ветер, одновременно горячий и холодный, ударил в стороны, сметая пар, взбивая облака песка. Нечто похожее на копье из тающего льда, окутанное красным огнем, устремилось в зенит и исчезло, словно врезалось в голубую твердь, что закрывает Алион сверху.

Вниз полетели черные хлопья, похожие на сажу.

– Давайте, валите их… – прошептал Рендалл. Из нещадно зудевших глаз текли слезы, а лицо было облеплено песком и пылью.

Гостей с Нижней Стороны осталось трое, и они медленно отступали под напором сиранов.

– Наша берет, наша… – Харальд поднялся, вскинул меч и побежал туда, где продолжалась схватка.

Оцилан метнулся следом.

По сердцу Олена хлестнул стыд – друзья сражаются, а он стоит позади всех и дрожит, словно увечный. Заставил себя встать, поднял трясущуюся руку и обратился к Сердцу Пламени.

Вызванный поток огня оказался слабеньким. Он укатился туда, где посланцы бились с обитателями пустыни, и растворился где-то между призрачных тел сородичей Тридцать Седьмого. В ушах Рендалла запели птицы, мягкая тьма навалилась на плечи, придавила к земле.

– Нет… нет… – Он заставил себя стоять, несмотря на то что ноги тряслись, а перед глазами колыхалось цветное пятно.

Магический перстень позволял многое, но сам жадно пил силу хозяина.

Олен качнулся вперед, сделал шаг, чтобы не упасть. Дернул себя за ухо, сильно, до боли, и это помогло немного прийти в себя.

– Вот зараза… – прошептал он, обнаружив, что гости еще держатся.

Их осталось двое, и каждый напоминал костер из синего огня, вместо искр из которого летел снег. Снежинки, огромные, точно колеса, с острыми, блестевшими, как алмазы, гранями завивались в спирали, кружились и атаковали, словно отдельные, не лишенные разума существа.

Пузырясь, стекала на песок густая белая «кровь», и капала рядом с ней желтая светящаяся жидкость, покинувшая жилы сиранов. Несмотря на количество, обитателям пустыни приходилось нелегко.

Рендалл огляделся, пытаясь увидеть, где оставил ледяной клинок. Обнаружил его рядом с огромной ямой, заполненной колотым льдом, и торопливо зашагал в ту сторону.

– Раз – это в глаз, два – оторвалась голова, три – на могилку посмотри, – бормотал на ходу детскую считалку.

В голове все мутилось, в некоторые моменты переставал понимать, где находится и что происходит. Начинало казаться, что он по-прежнему в подземелье Дома Ничтожества или в самом центре вывернутого наизнанку мира. В сознание вторгались обрывки памяти предков, древних императоров, и большого труда стоило отогнать их, сохранить чувство собственного «я»…

Чужие памяти приносили свои желания: немедленно отомстить брату, скакать к войску, что бьется с орками, принять яд, чтобы покончить с постылой жизнью, отплыть на Каменный остров и разгадать его загадки.

Пятнадцать шагов до ледяного клинка дались Олену труднее, чем подъем на Сверкающий хребет в Вейхорне.

– Пять – начинаем жить опять, – пробормотал он, когда пальцы сомкнулись на рифленой рукояти.

Прикосновение к мечу, как обычно, успокоило. Его холодная безмятежная сила помогла справиться с душевной бурей. Уроженец Заячьего Скока смахнул песок с лица и повернулся туда, где продолжался бой.

Сираны пытались затушить «костры» гостей, но пока им это не удавалось. Среди меняющих очертания бойцов мелькала фигура Харальда, и апельсиновой молнией скользил рядом с ним оцилан.

– Ну, давай, – сказал Рендалл сам себе, но сил в измученном теле после этого почему-то не прибавилось.

Одно из существ, явившихся с Нижней Стороны, попыталось вырваться из кольца окружения. Превратилось в некое подобие ледяного дракона, ударило хвостом, махнуло крыльями. Из распахнувшейся пасти заструился поток прозрачного замораживающего пламени.

Крылатое существо рвануло вверх…

И рухнуло, не поднявшись и на сотню локтей. Врезалось в бархан с такой силой, что тот взорвался. Когда выброшенный в стороны песок осел, стала видна лужа белесой воды, в поверхности которой отражалось солнце.

– Так они без меня победят. – Олен сделал шаг, споткнулся и чуть не упал. – А ну-ка, двигаем.

Последний посланец окутался венцом из белоснежных молний, затем превратился в столб дыма. Взревел, словно тысячи быков, и звук этот заставил вздрогнуть землю, ну а небо – затрястись, будто крышка кастрюли…

Обитатели пустыни бросились на него со всех сторон, облепили, точно комары – потное тело.

– Рази! – долетел крик Харальда.

«Как бы этот паршивец мир наизнанку не вывернул, – подумал Рендалл с тревогой. – Как тогда, в степях. Броди потом среди черных и белых столбов, ищи выход в обычное пространство».

Но тело гостя распалось на тысячи струек серого тумана, и те начали медленно подниматься в вышину.

– Неужели все? – Облегчение ударило с такой силой, что едва не сбило с ног. – Не может быть…

Сираны отступали, превращались в огненные цветки на тонких ножках. Их «лепестки», снежно-белые, шафранно-желтые и красные, словно маки, двигались в изящном танце. Летевшие с них искры сбивались в столбы, пересекались и плясали, порождали горячий ветер.

Только в этот момент Олен понял, что, взяв меч, так и не вынул его из ножен.

– Мы победили, – сказал подошедший Харальд. – Точнее, они победили. – И он указал туда, где сородичи Тридцать Седьмого праздновали успех.

– Точно, – кивнул Рендалл. – Осталось только попить, умыться, немного отдохнуть, и тогда все будет отлично.

Спутник поглядел на него с иронией, но ничего не сказал.

Один из сиранов, серебристо-оранжевый, оторвался от земли, медленно поплыл прочь, словно громадный одуванчик из огня. За ним последовали собратья, и силуэты их начали таять, растворяться в небесной голубизне. Поле битвы опустело, остались взрытые барханы, наполненные таявшим льдом ямины, следы и участки оплавленного песка, ярко сверкавшие под солнцем.

Последний сиран не последовал за собратьями. Огонь его потух, «цветок» сжался и превратился в крылатую тварь с тремя головами и золотистой шерстью. Та каркнула нечто сердитое и трансформировалась в человекоподобную фигуру без одежды, но с огромным кувшином в руке.

И Тридцать Седьмой направился к людям.

Шагал он вроде бы нормально, передвигал ноги, но при этом не оставлял следов на песке.

– Спасибо, – сказал Олен, когда сиран подошел поближе. – Если бы не вы, они бы убили меня.

– Мы знаем о них, – сказал Тридцать Седьмой, и пламя в его глазницах стало багровым. – Они есть мерзость из-за пределов мира. Их приход предвещает гибель и разрушение всего Алиона.

Он поставил кувшин на землю, и Олен потянулся к нему. Плеснул себе в лицо восхитительно холодной водой, смывая пот и пыль. Сделал несколько глотков и после этого почувствовал себя заново родившимся.

– Меня больше интересует другое, – проговорил Харальд. – Как твои сородичи так быстро перенеслись сюда?

– Где один из нас, там и все… – ответил сиран. – В пределах пустыни. Сегодня угасла искра жизни двоих из нас, и мой народ стал меньше.

– Очень жаль… – Рендалл сглотнул, подумал о том, что где бы он ни появлялся, в другом ли мире, в населенных местах или в дикой пустыне, везде он несет только гибель тем, кто оказался рядом.

– Нет смысла жалеть. – Тридцать Седьмой попытался изобразить улыбку, но вышло это у него плохо. – Мы не рождаем новых, и поэтому обречены на вымирание. Мы знаем это и давно смирились…

– Как можно смириться с таким? – нахмурился Харальд.

– Можно. – Сиран качнулся вперед, поднятые руки его расплылись, превратились в два туманных облака. – Посмотрите, кем мы были когда-то, как жили. Мы знаем, что это не вернуть, и не думаем о будущем… Его для нас нет.

Олен почувствовал мягкое прикосновение ко лбу, и перед его глазами замелькали яркие образы, точно так же, как в тот день, когда они только познакомились с Тридцать Седьмым.

Он видел Алион тех времен, когда в нем господствовали орданы, Старые народы. Видел те места, где ныне пустыня и безводные степи, а тогда росли леса с причудливыми

деревьями. Меж них поднимались стены городов, сложенные из черно-красного камня, и в каждом обитали многочисленные жители.

Их корабли ходили по всем уголкам мира, их войска бились с нагхами и троллями, что вели в бой орды хищных животных. Сираны торговали с йотунами, строили башни чуть ли не в милю высотой, их маги составляли сложнейшие заклинания и заглядывали в саму Великую Бездну.

И никто не мог предвидеть, что история могучего народа закончится горсткой изгнанников на окраине Алиона.

Рендалл видел еще какие-то образы, но, для того чтобы понять их, у него не хватало знаний. Крутились поставленные на вершину пирамиды из бронзы, и шары раскаленного металла катались по длинным желобам. Море порождало трепещущие многоцветные силуэты, то ли живые, то ли созданные с помощью магии, и они тихо жужжали, кружась под звездами…

А потом все исчезло, и он обнаружил, что стоит там же и что силы вернулись в тело. Усталость пропала без следа, остались только боль в ушибленном плече и жжение там, где ободрал кожу во время падения.

– Это было… удивительно, – сказал Харальд и облизал бледные губы. – Это выглядело… странно…

– Мало слов, чтобы поведать. – В голосе Тридцать Седьмого прозвучали извиняющиеся нотки. – Я вижу, что вы не все осознали, но слишком все разное было тогда и сейчас. Но вы видели это.

– Да. – Олен наклонился к кувшину и еще раз плеснул воды себе в лицо. – А про такой вот… – Он коснулся ножен ледяного клинка. – Про него ты можешь рассказать? Что это за вещь?

– Йотуны делали их из костей собственных сородичей, и такие мечи считались страшным оружием. Но те, что у них… были другими, менее могущественными. Этот же выглядит так, словно его изготовил кто-то другой, и я не могу понять его силу до конца. Нити идут за пределы Алиона, и идут в разных направлениях. Но куда именно – я не знаю.

– Одно понятно, что ничего непонятно, – вмешался Харальд. – Ну что, пойдем дальше?

– Пойдем. – Сиран щелкнул пальцами, и черная посудина воспарила в воздух.

Место, где кипела битва, обогнули по широкой дуге. Остались позади ямы, вода из которых начала потихоньку уходить в песок, кляксы застывшей белой и желтоватой крови, черные оплавленные пятна. Вскоре спутников догнал оцилан с победоносно вскинутым хвостом.

Воинственно мяукнул и зашагал рядом.

– Послушай, у тебя всегда такая интересная жизнь? – спросил Харальд, когда они перевалили через гряду невысоких барханов из красноватого песка. – За несколько дней в твоем мире мы сражались уже дважды, и оба раза – не с какими-то грязными и тупыми разбойниками или обвешанными железом родовитыми…

– Интересная – скажешь тоже, – произнес Олен. – Надоели эти побоища хуже горькой редьки. А вообще, ледяной меч и перстень, когда вместе, притягивают неприятности. Помнишь, я рассказывал? За нами будто тащится черная туча, и время от времени она выбрасывает вот такие молнии.

Харальд хмыкнул, бросил подозрительный взгляд на Сердце Пламени, но больше ничего не сказал.

А затем они шли без перерыва до самого вечера.

Услышав шорох, Лотис тал-Лотис Белая Кость, сидевший в ветвях раскидистой сосны, поднял лук. Стрела легла на тетиву, и альтаро затаил дыхание, как всегда перед выстрелом.

Он не потратил даже мгновения на то, чтобы бросить взгляд в стороны и посмотреть, что делают соратники.

Он знал – они тоже готовятся к стрельбе.

Шорох прозвучал вновь, качнулись две иссиня-зеленые ели, и на открытое место шагнул йотун. Засверкала в падавших сверху солнечных лучах белая шерсть, вспыхнули синие глаза, поднялись лапы, способные задушить медведя. Стало видно, что наряжен исполин только в пояс, на котором висит кожаная сумка, а по другую сторону – короткий меч.

«А ведь еще два месяца назад они умели пользоваться только дубинами», – зло подумал Лотис и спустил тетиву.

Лес наполнился приглушенными хлопками и тихим свистом стрел. Йотун мягко и грациозно крутнулся на месте, фигура его размазалась, от нее заструилось нечто похожее на белую поземку. Убийственные снаряды, способные пробивать доспехи таристеров и сбивать на лету ласточку, резко потеряли скорость, попав в нее, и начали падать на землю.

В цель угодили только две или три стрелы, и вряд ли они причинили хоть какой-то вред.

– Кровь леса… – выругался Лотис тал-Лотис, накладывая на тетиву еще одну стрелу. – Ну, ничего…

Рано или поздно йотун устанет, выдохнется, и тогда оперенные гостинцы найдут путь к его туше. Не все прорежут толстую шкуру, но если хотя бы несколько вопьются в плоть ордана, будет уже хорошо. Причинят ему боль, оставят раны и вынудят отступить к своим…

Но для того чтобы это случилось, нужно стрелять, стрелять и стрелять.

С соседнего дерева, пост на котором занимал молодой воин из ствола Радужной Росы, донесся щелчок лопнувшей тетивы. Выкрикнул что-то сердитое десятник, но Лотис не разобрал, что именно.

Йотун исчез за пеленой рукотворной метели, а она поползла вперед, в сторону эльфов.

– Обход! – скомандовал десятник, и на этот раз Белая Кость прекрасно его расслышал.

Быстро и бесшумно, словно белка, он скользнул по стволу вниз. Земля ударила в подошвы сапог, хрустнул снег. Лотис упал и пополз, не обращая внимания на то, что белое крошево набивается в рукава, лезет в сапоги; на то, что одежда намокает, а холод охватывает тело.

Он знал, что должен сделать, и все остальное значения не имело.

Соратники сейчас прикинутся, что отступают перед колдовской метелью, а Белая Кость и еще один воин обойдут йотуна и атакуют его сзади, вынуждая снять фронтальную защиту.

Осталась позади ель с раздвоенной верхушкой, торчавшие из снега кусты бузины, голые и черные. Около толстенного, в обхват, ствола королевского кедра Лотис поднялся, осторожно выглянул.

С этого места ордан был виден хорошо: крутящаяся фигура, вскинутые лапы, с которых подобно белой ткани свисает полотно метели.

– Сейчас получишь, – шепнул Лотис и подал условный сигнал, означающий, что он готов: крик дрозда.

Ответный сигнал пришел тут же.

Лук поднят, стрела на тетиве, осталось только попасть…

Белая Кость мягко спустил тетиву, словно выталкивая стрелу вперед. Увидел, как она полетела, заметил, как дернулся йотун, невероятным чутьем уловивший атаку, как он попытался отбить стрелы, летевшие с двух сторон. И альтаро радостно оскалился, когда по белой шерсти заструилась кровь.

Есть! Он попал!

Ордан взревел, на миг замер, и чародейская метель заколыхалась, разрываясь на части. А мгновением позже оттуда, где находились остальные воины-эльфы, хлестнул настоящий

ливень из стрел. Несколько отскочили, другие пришлись вскользь, но две вонзились в голову йотуна.

Он рыкнул и отступил на шаг.

– Получи! – Лотис выстрелил еще раз, но ордан оправился от шока. Махнул лапами и с неожиданным проворством рванул прочь. Словно растворился в воздухе, и качнулись, сбрасывая снег, ветви елей.

На сугробах осталось несколько розовых пятен.

– Готово! – Только тут Белая Кость понял, что замерз, и потянулся к поясу, где висела крохотная фляжка из бересты золотой березы.

Налитый в нее самогон на кедровых шишках, называемый меж альтаро «душа чащи», – лучший друг воина, вынужденного целыми днями торчать в сыром и холодном весеннем лесу.

Той весне от роду всего несколько дней, и настоящее тепло придет в Великий лес не скоро.

– Ох, хорошо… – сказал Лотис, отхлебнув из фляжки.

Кровь быстрее побежала по жилам, замерзшие руки и ноги согрелись, и Белая Кость зашагал обратно, туда, где собирались воины его десятка. Соратников обнаружил на небольшой поляне около громадного пня, что торчал из начавшего подтаивать снега.

– Хорошая работа, – сказал десятник, откликавшийся на имя Сираен тал-Валис и происходивший из первой ветви ствола Золотой Луны. – Как мы его зацепили, а?

– Неплохо, – кивнул Лотис.

Особой радости на лицах альтаро не было. Все знали, что такие раны выведут йотуна из строя всего лишь на день-другой. Представители расы, веками обитавшей на берегах Белого океана, чудовищно сильны и живучи, и это позволяло им вести настоящую войну с народом младших эльфов.

И это при том, что орданов было несколько тысяч, а в Великом лесу обитал почти миллион альтаро.

– Ладно, – сказал сотник. – Можно поесть, а затем обратно на посты. Ближе к вечеру нас должны сменить, и, если будет на то милость хозяев Небесного Чертога, эти белошкурые твари сегодня больше не сунутся.

Лотис снял с лука тетиву и убрал в мешочек из пропитанной жиром кожи. Только после этого опустился на очищенное от снега бревно, потянулся к мешку с провизией. Из его объемистого чрева вытащил кусочек вяленого мяса и принялся неторопливо жевать, глядя прямо перед собой и ни о чем не думая.

Если есть возможность отдохнуть – нужно ее использовать.

– Что это за война? – вздохнул сидевший рядом с Лотисом Мллиран тар-Харуэн, тот самый молодой воин из ствола Радужной Росы. – Бесконечная стрельба и беготня по чащобам. Не то, что осенью…

Белая Кость невольно вспомнил тот день, когда войско альтаро выступило в поход на земли людей. Тогда вождь ствола Высокой Радуги пообещал скорую победу, и вообще все поверили, что с Харуготом удастся справиться быстро. Да и первые победы в Вителии убедили всех, что хозяева Безариона на этот раз проиграют…

Армия шла весело, развевались знамена, и молодые воины хвастались друг перед другом числом убитых врагов.

Но затем как гром среди ясного неба обрушилась новость о том, что северные рубежи Великого леса атаковали йотуны. Радость сменилась тревогой и сильнейшим удивлением.

Некогда, десять тысяч лет назад, после прихода в Алион эльфы воевали с йотунами, и сражения между ними порой велись на истребление. Но потом белые гиганты одичали, остатки некогда великого народа скрылись в тундре.

О них почти забыли.

И вот теперь такая новость – йотуны жгут деревни и убивают всех, кого могут настичь.

– Да, тогда шла совсем другая война, – сказал Лотис тал-Лотис, вспоминая, как войско спешно развернулось обратно.

– Вряд ли йотунам нужны наши леса, – проговорил Мллиран тар-Харуэн. – Может быть, пропустить их на юг и пусть идут себе дальше? Сражаются с людьми или с кем они там хотят… У нас в стволе многие так думают, даже сам вождь говорил, что поедет к магам, чтобы предложить им такой вариант…

– Сколько ты в нашем десятке? – Белая Кость глянул на собеседника. – Пятнадцать дней? Значит, ты не видел той пустоши, что оставляют после себя йотуны. А если бы видел, то ни за что не предложил бы такого.

Прежде чем их встретили, йотуны успели углубиться в Великий лес на несколько десятков миль. И полоса чащи, оставшаяся за их мохнатыми спинами, начала быстро и необратимо умирать. Деревья покрылись белым налетом, похожим на иней, отвратительный запах гниения забил все остальные. Полетели на землю чернеющие ветви, посыпалась с них хвоя.

На зверей напали странные хвори, уродующие их и быстро убивающие.

Там, где проходили йотуны, не оставалось ничего. Сам лес погибал. А для любого эльфа, привыкшего жить одной жизнью с пущей, ее уничтожение выглядело настоящим осквернением святыни.

И увидевшие мерзостную пустошь альтаро с яростью бросились в бой. Тогда они не смогли победить, йотуны пустили в ход древнюю магию, защиты от которой чародеи Великого леса не знали. Пали многие славные воины, нашел гибель вождь ствола Высокой Радуги.

Но приостановить движение чужаков удалось.

После первой и единственной большой битвы эльфы перешли к тактике малой войны. На пути йотунов создавались засеки, чародеи заставляли деревья сплетаться в сплошную стену. Малые отряды, названные десятками, атаковали разведчиков врага, отгоняя их прочь. Убить кого-либо из воинов-орданов удавалось редко, и каждый такой успех заставлял альтаро петь от радости.

Йотунов мало, и если уничтожить многих, то рано или поздно они остановятся.

– Ну… как же… – смешался Мллиран тар-Харуэн. – Но они не смогут убить весь лес, и зачем… для чего нам гибнуть?

– Без леса нет жизни, – процитировал Лотис первые слова «Анналов Корней», древнего сборника эльфийских хроник. – Он дает нам плоть и кровь, и если мы не защитим его, то потеряем честь.

– Верно, – поддержал его десятник. – Надо будет при следующей вылазке показать тебе пустошь. Чтобы сам все увидел, идиотских вопросов не задавал и при оказии и вождя переубедил.

Мллиран тар-Харуэн склонил голову, кончики острых ушей заалели.

– Ладно, по местам, парни, – сказал десятник. – Доедите прямо там. Немного осталось, видит благословенная Санила.

Богиня, прозванная Охранительницей Жизни, покровительствовала животным и растениям. Эльфы почитали ее особо, и храмы Санилы встречались в Великом лесу чаще остальных.

– По местам так по местам, – пробурчал Лотис, поспешно дожевал мясо и заспешил к своему дереву.

Взобрался по стволу и устроился в ветвях, невидимый и неслышимый, точно рысь.

Их отряд, состоявший из дюжины десятков, прикрывал небольшой участок леса между двумя чародейскими засеками. Колдуны собирались загородить и его, но пока не успели. Их прибытия ожидали со дня на день, а пока приходилось морозить задницу в дозорах.

В лесу царила необычайная тишина. Звери и птицы, чуя приближение идущей с севера угрозы, бежали на юг, а деревья застыли, словно в предвкушении беды. Лотису такое безмолвие внушало тревогу, заставляло вздрагивать при малейшем шорохе.

До вечера не произошло ничего примечательного, а когда начали сгущаться сумерки, скрип снега долетел с юга.

– Сменааа! – донесся раскатистый крик десятника, и Белая Кость принялся спускаться с дерева.

От долгой неподвижности конечности занемели, так что он чуть не упал.

Со сменным десятком встретились на той же полянке с огромным пнем, где и обедали.

– Ну, как все прошло? – спросил десятник сменщиков. – Слава богам, все живы и никто не ранен.

– Разведчика отогнали, – сообщил Сираен тал-Валис. – Серьезного ничего не было.

– Ну и отлично. – Чужой десятник кивнул, и его воины затопали к постам, а Лотис и его соратники побрели на юг.

Двинулись по еле заметной тропинке, петлявшей среди сугробов.

Стемнело быстро, между стволов сгустился сумрак. К тому моменту, когда вышли к селению, начало холодать, а вечер превратился в настоящую ночь, небо затянули облака. Остался позади пост и открылись силуэты арроба, домов, что спрятаны внутри громадных деревьев.

– Вот мы и дома, – сказал Мллиран тар-Харуэн. – Отогреемся.

– И поедим, – добавил воин, шагавший позади Лотиса.

Свернули к тому арроба, в котором квартировали. Закачалась веревочная лестница, ведущая на верхний ярус, скрипнула круглая дверь. Стал ощутим теплый запах жилища – древесного сока, что течет внутри стен, дыма и свежего хлеба, от аромата которого в желудке начинается буря…

Вспыхнула свеча, вырвав из мрака круглое помещение.

У стен находились застеленные койки, в центре стоял большой стол из темного дерева. Его окружали стулья, а на столешнице вместе с огарками громоздилась гора вымытых плошек.

– Так… – Десятник огляделся, ткнул в двух самых молодых воинов. – Ты и ты, живо в таверну, за ужином.

Мллиран тар-Харуэн и его товарищ по несчастью вздохнули и двинулись обратно к двери. Лотис прошел к своей койке, стащил теплую куртку, заплечный мешок, снял пояс с мечом и сумкой. Только после этого позволил себе лечь, закинул руки за голову, вытянул ноги.

В царившем внутри арроба тепле накатила сонливость.

– Брр… – сказал Белая Кость. – Нужно, пожалуй, умыться. А не то засну, еды не дождавшись.

Он встал и пошел к внутренней лестнице, что вела на первый ярус.

Спустился в точно такую же круглую комнату, где вместо коек были бадьи и чаны, а на стенах висели веники, полотенца и прочие штуковины, что нужны для омовения. Угол занимала громада печи, не сложенной, а выращенной внутри дерева. Плеснул холодной водой в лицо, затем основательно умылся над тазом и растерся полотенцем так, что кожа начала гореть.

Когда поднялся наверх, обнаружил, что двое молодых воинов вернулись, принесли по здоровенному горшку с похлебкой. Мллиран тар-Харуэн повернулся к Лотису и сказал торопливо:

– Там тебя ждут, в таверне.

– Кто? – удивился Белая Кость.

– Маг в алой одежде. Он спросил про тебя и велел передать, что желает побеседовать.

Лотис только головой покачал. С магом, носителем алого Цвета, он не виделся с той самой первой битвы с йотунами. После нее чародей отправился в храмовый город – советоваться с собратьями, а Белая Кость остался. Сам попросил, чтобы его зачислили в один из десятков.

Владения ствола Алого Заката лежали неподалеку от места, где орданы вторглись в Великий лес. И он хотел сражаться с врагом, чтобы защитить собственный дом.

– Все ясно. Я иду. Ужинайте без меня, – сказал Лотис, после чего отправился к койке и принялся натягивать куртку.

Когда выбрался из арроба, выяснилось, что пошел мокрый снег. Через сырую тьму дошагал до таверны, торопливо поднялся на второй ярус. Войдя в трапезную, опустился на одно колено и склонил голову.

– Встань и иди сюда, – проговорил хозяин алого Цвета, сидевший за одним из столов, и голос его прозвучал устало.

Выглядел чародей изможденным. В темных волосах за последние месяцы стало больше седины, морщины на лице сделались глубже, их число увеличилось. Изумрудные глаза потеряли блеск.

– Да, старший. – Лотис прошел к столу и уселся на табурет.

– Ешь, а потом рассказывай. Мне очень хочется знать, что творится здесь, на переднем крае.

В трапезной было пустынно, тускло мерцали свечи, покачивались в углах тени.

Белая Кость не заставил себя упрашивать. Захрустели на зубах кости, и от жареной утки вскоре осталось только воспоминание. Вслед за ней последовала полная миска рыбного супа, а завершил трапезу мед, сочный и ароматный, какой собирают на юго-восточной окраине Великого леса.

– Говори, – приказал маг.

Слушал в молчании, постукивая пальцами по столешнице и хмуря густые черные брови.

– Вот так, – подытожил Лотис. – Мы делаем все, что можно, но йотуны все равно идут вперед. Одолевают милю за милей, и остановить их не проще, чем весенний паводок.

– Это верно, – вздохнул хозяин алого Цвета. В правой руке его возник жезл, короткий и блестящий, словно отполированный. – Они – точно стихийное бедствие, настолько же могучи и безмысленны. Ты знаешь, нам удалось взять одного в плен, но на допросе он ничего не сказал. Молчал, хотя мы использовали и пытки, и магию. Несмотря на это, рассудок его оставался немым.

Белая Кость только головой покачал.

В том, что касалось умения проникнуть в чужой разум, подчинить его и добыть сведения, маги альтаро считались большими мастерами. И уж если их постигла неудача, значит, случай и в самом деле сложный.

– Скажи, старший… – Лотис немного помялся. – А что слышно о том олдаге… человеке, которого мы должны были убить в Безарионе?

– Он словно сгинул, исчез вовсе. Хотя сейчас времена такие, рык Азевра разносится по всему Алиону, и новости из дальних краев доходят с большим опозданием. Может быть, мы просто ничего не знаем.

– Старший, а почему… из-за чего вы хотели его погубить? – Задавая такой вопрос, Белая Кость рисковал, и очень сильно. Реши чародей, что воин полез не в свое дело, он сможет устроить выходцу из ствола Алого Заката большие неприятности. – Неужели лишь из-за древнего предсказания?

Хозяин алого Цвета задумчиво почесал подбородок, а после этого заговорил, тщательно подбирая слова:

– Да, тогда все казалось простым… убей одного человека, и страшная участь, ожидающая наш мир, останется легендой… Ты помнишь первое пророчество Вилтана Отверженного?

– Конечно, старший.

– Да, все его знают. Когда я отправлял вас в погоню, то упоминал его. Как там? «Качнутся весы, и сгинет весна, исчезнет покой и опора для сна. Дерзнувший начнет свой безумный поход, отправится в путь за живым Древний Лед. И вестники гнева наложат печать, и мир захлестнет белых демонов рать…» Тот клинок, что олдаг взял из Вечного леса, уничтожил равновесие в Алионе… И это в конечном итоге приведет к тому, что наш мир окажется в сфере притяжения Нижней Стороны. А это означает гибель для всех. Но будь дело только в этом, мы бы вряд ли отправили за человеком убийц. Но есть еще кое-что… – Маг задумчиво потер переносицу. – Тогда мы обратились к Источнику, попытались заглянуть в будущее. Ты знаешь, что он до сих пор не ошибся ни разу… И священная вода показала нам, как тот олдаг, Олен Рендалл его имя, убивает одного из хозяев Великой Бездны…

– Убивает? – Лотису показалось, что пол под ногами качнулся, что все огромное арроба пошатнулось. – Но как такое возможно?

– Сами не знаем, – развел руками обладатель алых одежд. – Может быть, оставив Олена Рендалла в живых, мы потеряли шанс спасти Алион от гибели?

Глава 5
Лесная тропа

Лесистый берег Мероэ показался на девятый день плавания.

Когда матрос с мачты закричал: «Земля!», на лицах сельтаро появились довольные улыбки. Да, эльфы умели строить корабли и ходить по морю, но никогда его особенно не любили.

– Сегодня мы прибудем в Ла-Себилу, – сообщил Саттии Вилоэн тар-Готиан, и благородная физиономия сотника отразила такое облегчение, словно ему сообщили о выздоровлении любимого чада.

– Рада слышать, – буркнула девушка.

Ее настроение было далеко не радостным. Непонятным оставалось, кто они для эльфов – гости или ценные пленники. Их особенно не ограничивали, да и какой смысл запирать кого-либо на корабле, если путь для бегства один – в воду? Но следили постоянно.

На вопросы о том, что ждет их на берегу, и капитан, и сотник отвечали одно: все решат нобили и маги герцогства тар-Халид. Учитывая, как знатные сельтаро относятся к чужакам, можно было ожидать худшего.

Гундихар все пропадал в матросском кубрике, так что Саттия по большому счету осталась в одиночестве. Порой ее звали в гости к капитану, пару раз – к сотнику, и тогда приходилось улыбаться, изображать вежливость. Как говорят среди ланийских альтаро – «держать лицо».

Бенеш по-прежнему молчал.

Бóльшую часть времени он проводил в каюте в странном оцепенении, глядя в стену. В моменты просветления узнавал давних спутников, открывал рот, но не мог произнести ни единого звука. Осознавая свою ущербность, ученик Лерака Гюнхенского мрачнел и замыкался в себе.

Заключенная в теле Бенеша сила порой давала о себе знать, и тогда из переборок, пола и потолка начинали расти кусты и целые деревья.

Сегодня Саттия выбралась на палубу после завтрака, чтобы немного подышать воздухом. Поднялась на носовую надстройку, и тут ее и отыскал тар-Готиан, принесший радостную весть.

– Мессана чем-то недовольна? – спросил он, увидев, что сообщение о скором завершении плавания ничуть ее не обрадовало.

– Честно говоря, мне трудно ответить на этот вопрос, – проговорила девушка и поправила упавшую на лоб прядь.

Судя по нахмуренному лбу, сотник понял, что разговор свернул не в самом удачном направлении. И он торопливо заговорил, расписывая прелести Ла-Себилы, красоту ее зданий, мощь укреплений, достоинства жителей.

Саттия слушала, ничем не показывая, что ей интересно, а потом берег свернул к востоку, стала видна просторная бухта и белые стены крепости.

– Вот он, – сказал Вилоэн тар-Готиан. – Добрались милостью Морской Хозяйки.

Город не выглядел особенно крупным и делился на две части рекой, больше похожей на разлившийся ручей. К северу от него, на холме, располагалась цитадель, торчали ее высокие башни. Южнее тянулись причалы, над которыми поднимались крыши многочисленных храмов, построенных также из белого камня.

– Ла-Себила, – кивнула девушка.

«Доблесть предков» развернулась, пошла к берегу, с шорохом начали опадать паруса.

На палубе появился довольный Гундихар.

– Ура! Наконец-то! Клянусь бородой моего папы, закончилась эта мерзкая болтанка! Ха-ха! Я смогу пройтись по твердому и выпить пива!

Саттия приложила ладонь ко лбу, пытаясь разглядеть, что творится на берегу. С удивлением обнаружила, что порт выглядит пустынным, а на берегу виднеется отряд стражников в блестящих кольчугах и шлемах.

– Это что, нас ждут? – спросила она.

– Вне всякого сомнения, мессана, – ответил тар-Готиан. – Почетных гостей встречает сам наместник Ла-Себилы. Будь здесь герцог, и он вышел бы к причалу. Но увы, правитель на войне…

– Все ясно. Я должна забрать вещи.

«Почетных гостей… Как бы не так! Наверняка уже и покои готовят. Глубоко под землей, за толстыми стенами, чтобы никто из нас и не помышлял о том, чтобы удрать», – думала Саттия, спустившись по трапу на среднюю палубу и шагая в сторону кормовой надстройки.

Когда она вновь появилась на палубе, с мешком за спиной и мечом у пояса, корабль подошел к причалу. Перед стражниками стояли несколько сельтаро в расшитых золотом кафтанах и причудливых головных уборах, похожих на ведра из алой ткани.

– Кто это такие? – спросил Гундихар, задумчиво тиская «годморгон».

– Знатнейшие вельможи Ла-Себилы. – Вилоэн тар-Готиан вновь оказался рядом, а за плечами сотника – его воины, снаряженные и вооруженные, точно для битвы. – Вам оказана большая честь.

– Ха, Гундихар фа-Горин мало общался с вельможами, – сообщил гном. – Он куда больше привык иметь дело с простыми роданами. Как бы не вышло какой неприятности, клянусь ушами Аркуда…

– Все будет хорошо, – сказал подошедший капитан, вырядившийся в роскошный торлак из синего бархата и высокие сапоги.

Двое вооруженных эльфов вывели на палубу Бенеша. На его лице при виде берега и города появилась удивленная улыбка. Заметив спутников, молодой маг помахал им, но сделал это очень осторожно.

Он освоился с тем, что любое его движение может вызвать непредсказуемые последствия.

– Отлично, – проговорил капитан, когда «Доблесть предков» пришвартовалась, и сходни с грохотом ударились о причал. – Прошу следовать за мной, мессана и мессены, и да примет вас с радостью земля Мероэ.

И он первым зашагал к сходням. За ним повели Бенеша, то ли под конвоем, то ли с почетным караулом. Саттии и Гундихару осталось только направиться следом. Ну а позади, позвякивая кольчугами и чеканя шаг, двинулись воины тар-Готиана во главе с ним самим.

Прогнулись под ногами доски, плеснула внизу зеленая вода, и они оказались на причале.

– Ха, а ведь там не только вельможи, – сказал гном. – Вон те лысые парни мне неплохо знакомы.

Саттия пригляделась и выругалась про себя. За спинами знатных эльфов стояли трое сельтаро в простых серых робах, и выбритые наголо головы их блестели, как валуны, отполированные прибоем. Чародеи. Как она ухитрилась не заметить их еще с борта? Хотя если ей отвели глаза…

Понятно теперь, откуда в Ла-Себиле знают, когда именно встречать «Доблесть предков».

– Слава тебе, посланец Великого Древа, – шагнул вперед самый высокий из встречавших, на грудь которого спускалась цепь из золота, а на кафтане блестел герб тар-Халид – лев в короне.

Мгновение он помедлил, а затем опустился на колено. Его движение повторили трое других вельмож. Маги остались стоять, но почтительно склонили лысые головы и замерли.

Бенеш помотал головой, словно возражая, а затем простер вперед руку. Раздался негромкий треск, и из утоптанной серой земли, покрытой слоем пыли, полезли зеленые ростки. Саттия услышала, как кто-то ахнул за ее спиной. Один из эльфов-воинов начал молиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.